

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ РОМАН
ТЕУА LOVE

ТОЛЬКО
ТЕМНЫЕ
СЕРДЦА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Поколение Сансет Стрип

Тея Лав

Только тёмные сердца

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Лав Т.

Только тёмные сердца / Т. Лав — «ЛитРес: Самиздат»,
2017 — (Поколение Сансет Стрип)

Три жизни. Три истории. Три человека. Кто они друг другу и как связаны их жизни? Алрой и Молли прошли вдвоем нелегкий путь. Рожденные среди гангстерских банд и не имевшие ничего, кроме друг друга, они выросли и стали теми, кем и хотели. По-прежнему вместе. Но даже слишком любящее сердце способно на предательство. Но было ли предательство? Джорел оказался третьим лишним. Парень из другого мира. У каждого в душе находится ящик Пандоры, который ни в коем случае не хочется открывать. Чем глубже мы закапываем истину, тем яростнее она рвется на поверхность. Три жизни. Три истории и три истины, которые откроются в новом романе «Только темные сердца». Содержит нецензурную брань.

© Лав Т., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	25
ГЛАВА 5	29
ГЛАВА 6	33
ГЛАВА 7	39
ГЛАВА 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Поколение Сансет Стрип # 2

В романе задеты непростые темы насилия, измены, депрессии и расизма.

Предназначено для лиц старше 18 лет.

В книге присутствует нецензурная лексика и откровенные сцены сексуального характера

Три жизни. Три истории. Три человека.

Кто они друг другу и как связаны их жизни?

Алрой и Молли прошли вдвоем нелегкий путь. Рожденные среди гангстерских банд и не имевшие ничего, кроме друг друга, они выросли и стали теми, кем и хотели. По-прежнему вместе.

Но даже слишком любящее сердце способно на предательство. Но было ли предательство?

Джорел оказался третьим лишним. Парень из другого мира. У каждого в душе находится ящик Пандоры, который ни в коем случае не хочется открывать.

Чем глубже мы закапываем истину, тем яростнее она рвется на поверхность.

Три жизни. Три истории и три истины, которые откроются в новом романе «Только темные сердца».

«Только темные сердца» является продолжением романа «Прекрасные порочные ангелы» (в первоначальном издании «17:29»), в котором герои данного романа выступали параллельно.

Впервые книга вышла в свет под названием «Гравитация» в 2017 году. На данный момент серия переработана, и вот все, что вам нужно знать, чтобы не запутаться:

Серия: Поколение Сансет Стрип

Книга первая: «Прекрасные порочные ангелы» (в первом выходе «17:29»)

Книга вторая: «Только темные сердца» (в первом выходе «Гравитация»)

продолжение следует...

Трек-лист «Только темные сердца»:

Mario Joy «California»

T.I. «Go Get It»

Hollywood Undead «Believe»

Kat Dahlia «Gangsta»

Hollywood Undead «Let Go»

2Pac «Still Ballin'»

2Pac feat. Dr. Dre «California Love»

Hollywood Undead «California Dreaming»

Ace Hood (Feat. Future & Rick Ross) «Bugatti»

Hollywood Undead «Renegade»

Hollywood Undead «Whatever It Takes»

Hollywood Undead «Gravity»

Hollywood Undead «Guzzle, Guzzle»

Tsuki Sayu Yoru – Fu rin Ka zan (License)

Hollywood Undead «Riot»

Hollywood Undead «Cashed Out»

Lana Del Rey «West Coast»

Особая благодарность за вдохновение ребятам, которые пишут свои тексты на каждом клочке бумаги и воплощают их жизнь. Тексты о бульварах Лос-Анджелеса, розовом закате Калифорнии и шайке парней, идущих ему навстречу – не выходят из моей головы ни на минуту. Этот роман притворен в жизнь благодаря музыкантам, владеющим особым даром – заставлять кровь застывать в жилах.

Спасибо.

Тея Лав

ПРОЛОГ

АЛРОЙ

Три месяца назад

Мой «Кадиллак» тормозит возле подъездной дорожки огромного коттеджа в Игл Рок. Я сразу замечаю ее.

Она стоит возле него. Когда все произошло, она снова попыталась воспользоваться ситуацией и, прикинувшись напуганной пташкой, попыталась залезть в мою машину.

Но я снова оттолкнул ее. В тысячный раз. Я видел ее боль. Но мне было больнее.

– Ты говоришь это наша последняя встреча? – спрашивает Клэй, подавшись вперед. Ни он, ни рыженькая не торопятся выйти, хотя их ждут.

Я полностью разворачиваюсь к ним. Глаза Клэя горят адреналином. Полчаса назад мы оторвались от копов с помощью дымовой шашки. Эту идею я перенял у этих парней, которые путаются под моими ногами уже почти три года.

Но многое изменилось. Я никогда не считал их врагами. Эти парни имеют все. Время, когда они наиграются и поймут, что в жизни есть более важные вещи когда-нибудь наступит. Это нас и отличает. В моей жизни такого не будет. Это *уже* моя жизнь. Именно поэтому я согласился им помочь.

– Да, Клэй, – отвечаю я, глядя на девушку, сидящую рядом с ним. Если судить по фактам, именно из-за нее Клэй ввязался во все это дерьмо, через которое мы прошли. Надеюсь, она того стоит, и она не втопчет в грязь его сердце.

Как только я думаю о своем сердце, замечаю движение со стороны. Молли делает нерешительные шаги в сторону моей машины, в то время как остальная часть парней Клэя болтают и курят.

Я не хочу с ней говорить. Просто не могу.

– Я буду скучать по всему, – саркастично говорит Клэй, выходя из машины.

Линдси хватается за его руку и выходит следом. Она смотрит на Молли затем на меня.

– Спасибо, Алрой, – вдруг произносит она.

Я смотрю в ее стального цвета глаза и вижу все то, что она пытается выразить этим простым словом. Мы оба знаем, о чем речь. Мы оба знаем, что теперь мы связаны этой историей. Если быть честным, я поражен, что она с такой стойкостью выдержала все это. Я знаю все о ее семье и прошлом ее бывшего любовника, а также и о прошлом ее отца. Она росла как тепличный цветок, вечно охраняемая и оберегаемая от всего. И когда ее выбросило из привычного мира в реальный, она не сломалась.

Они с Молли похожи больше, чем думают.

– Старайся не думать о том, что произошло, – говорю я, имея в виду смерть Эллиота младшего, произошедшая на наших глазах. – Просто отпусти это, иначе ты не выкарабкаешься.

Клэй стоит позади нее, молча наблюдая за нами.

Она кивает и делает шаг назад. Руки Клэя тут же обхватывают ее талию.

– Я тоже буду скучать, – улыбаюсь я ему и отпускаю сцепление.

Мне нужно уехать отсюда. Молли проходит между Клэем и Линдси и смотрит на меня, пока я сдаю назад.

«Вернись», – я могу прочесть это по ее губам.

Последнее что я вижу, прежде чем сорваться с места, это руки того, с кем она меня предала. Он тянет ее к себе, но она все еще смотрит мне вслед.

Я больше не вернусь. Молли была на каждой странице нашей истории. Но теперь ее нет, и я перелистываю эту главу.

ГЛАВА 1

ДЖОРЕЛ

Наши дни

Я летаю.
Парю над землей, как сокол.
Нет, черт, я орел.
Охренеть.

– Майки! Поднимай свою задницу. – В мой охренительный сон грубо врывается голос Холла.

Мне не сразу удастся понять, что это противное и долгое мычание мой стон. Я поднимаю веки, на которых, кажется, лежит бетон, и пытаюсь сконцентрироваться. Расплывчатые силуэты постепенно приобретают форму. Первое что я вижу, это футболку университетской команды Кроуна по футболу. Орел с распростертыми крыльями, а по крыльям струятся рыжие локоны.

Линдси стоит напротив дивана в футболке Клэя и с легкой ухмылкой смотрит прямо на меня.

– О, не смотри на меня, кошечка, – я издаю стон и не узнаю свой хриплый голос. – Наверняка, я самое настоящее...

– Дерьмо, – заканчивает за меня Линдси.
– Я хотел сказать «лапочка», – парирую я.

Линдси фыркает и проходит на кухню, откуда доносится свежий запах кофе и голоса моих друзей.

Вчера вернулся Арчи. Он часть нашей тусовки и последние несколько месяцев его носило черт знает где.

– Майки, ты серьезно? Зачем вчера ты расхреначил гитару? Ты обкурился что ли? – Клэй стоит на лестнице в одних шортах и скалится.

– Пара косяков, – бормочу я и с трудом поднимаю свое тело.

Клэй бьет меня по плечу и качает головой. Вот придурок. Когда это он стал таким правильным?

Хотя, о чем это я? Вчера он голышом нырял с крыши гаража в бассейн, пока Линдси на спор глотала шоты текилы. Эти ребята тоже умеют тусоваться. Вот только моя комната находится по соседству этих двоих. Как правило: пьяный секс – самый громкий.

– Моя ты душка. – Холл треплет меня за щеки, когда я вхожу на кухню.
– Отвали, – хриплю я, и все начинают ржать. – Боже, потише.

Но это слово под запретом в нашем доме. Мы шумно завтракаем, затем парни начинают включать видеоигры, а Клэй и Линдси собираются обратно в Сан-Франциско. К себе домой. Я по-дружески завидую им. Год назад Линдси появилась в Кроуне и снесла всем башню. В том числе и моему лучшему другу Иэну Клэю. Между ними моментально назрело что-то похожее на снежный ком, растущее с каждым днем. Первое время я не верил в чувства лучшего друга к этой девушке, и даже имел совесть обвинять.

Думая об этом сейчас, я задаю себе вопрос: какого черта? Кто я такой, чтобы осуждать? И посмотрите на них сейчас. Чертова парочка безумцев.

– Эй, Майки. – Клэй выходит на веранду заднего двора, где я сижу в кожаном кресле с сигаретой в руках.

Он садится в соседнее кресло и вытягивает длинные ноги в кроссовках.

– Что ты собираешься делать? – спрашивает он. В его голосе нет и намека на ухмылку.

Мы не впервые попадали в дерьмо, но летом перед выпуском, было что-то нереальное. Мы до сих пор все это перевариваем.

– Наверное, посплю еще немного, – выпуская дым, отвечаю я. – Потом посмотрим.

– Нет, ты не понял. – Клэй смотрит так серьезно, что мне становится не по себе.

– Что?

– Что ты будешь делать дальше?

Даже все еще в пьяном угаре мой разум соображает, о чем речь. Но дело в том, что ни трезвый, ни пьяный я не могу ответить. У меня нет особых планов, но и плыть по течению не собираюсь.

– Просто, – я развожу руки в стороны, – жить. Ничего ведь не изменилось.

Клэй хмурится, внимательно изучая мое лицо.

– Ничего не изменилось? – переспрашивает он.

Я вздыхаю, выпуская новую порцию сигаретного дыма.

– Почти ничего.

Мой друг смотрит впереди себя и едва заметно кивает.

– Изменилось все, – спустя несколько секунд произносит он.

– Ну, у тебя-то уж точно. – Я улыбаюсь, и знакомая ухмылка расплывается на лице Клэя.

– Точно. – Он поднимается на ноги, но я все еще чувствую его пристальный взгляд.

Мне не совсем нравится это внимание. Ну, то есть, мы лучшие друзья и все такое. Мне не плевать на Клэя, как и ему на меня. Но все же я не привык к тому, чтобы обо мне кто-то так заботился или волновался. Кроме мамы, конечно. Наша братская привязанность всегда была негласной, но сейчас... Да, Клэй изменился, определенно.

– Все будет нормально, – небрежно говорю я.

Клэй выпускает смешок.

– Не сомневаюсь. Будешь висеть в студии?

– Ага. Пока ты учишь детишек держать мяч и ждать свою кошечку с занятий, я буду качать треки и висеть с нашей шайкой. – Я ухмыляюсь, задрав подбородок и щурясь от сентябрьского солнца.

Клэй бьет кулаком по моему плечу.

– Буду скучать, чувак.

– Ага. – Я почти ему верю.

Все меняется. Надеюсь, в этот раз к лучшему.

Проезжая мимо многочисленных ресторанов и рок-клубов на бульваре Сансет Стрип, я чувствую себя в некой прострации. Словно я там, где должен быть, и в то же время чего-то не хватает.

Сидя на переднем сиденье моего «Доджа нитро», Арчи строчит в своем блокноте тексты и комментирует мне некоторые строчки. Этот парень чертов стихоплет и до чертиков талантлив. До его отъезда мы все свободное время пропадали в одной из старых студий моего отца в западном Голливуде. С недавнего времени ребята снова там собираются, и я планирую тоже вернуться. Колледж позади, клуб «Икс» сожжен дотла, Клэй в Сан-Франциско. Но у меня...

– Вот дерьмо! – Возглас Арчи вырывает меня из раздумий.

Он приподнимается и бросает на кресло свой блокнот. Я смотрю в ту же сторону, что и он. Мы остановились прямо напротив того места, где когда-то стоял сверкающий, и в то же

время грубый и пугающий клуб «Икс». Сейчас там просто пустое место, на котором трудится рабочая бригада.

– Как думаешь, что теперь здесь будет? – спрашивает Арчи.

Несколько секунд я изучаю пустое место, затем задумчивое лицо друга. Из-под бейсболки торчат его непослушные темные кудри. Я всегда издевался над ним из-за его шевелюры, которую он наотрез отказывается обстричь.

– Надеюсь, что-нибудь мозговыносящее, – пожимаю плечами.

Арчи фыркает.

– Но не «Икс».

– Не «Икс», – соглашаюсь я.

– Я знаю, где Тайлер.

Мои глаза расширяются.

– Ты серьезно?

Арчи смотрит на меня с выражением полного скептицизма и ловким движением руки подбрасывает в воздух сигарету и ловит ее губами. Я смеюсь, а он сжимает фильтр зубами, прежде чем ответить:

– Я знаю все, детка.

Хороший ответ. Я жму на газ и заканчиваю свою мысль:

... но у меня все еще есть «17:29».

МОЛЛИ

Сайдинг небольшого домика между парком Ла-Брея и третьей улицей все такой же бледно-желтый. Рыжеватые подтеки от дождя «украшают» этот дом. Дом, в котором я провела достаточное количество времени, чтобы мой детский разум мог считать это своим гнездом после приюта.

Однажды, когда мне было около шести, я вышла на улицу и обнаружила на обочине заряженный дробовик. Уже тогда я знала, что это такое. Помню, как орала Алиша. Особенно когда я повернула дуло в ее сторону. Даже учитывая, что лихие 70-е и 80-е остались позади, в Комптоне это никого не удивит и сейчас.

После того, как я сбежала из дома, я продолжала жить в Комптоне с Алроем, но до сих пор, моей ноги здесь не было. Возле этого дома. Мне есть куда пойти, но он будет знать. Я хочу залечь на некоторое время. Просто быть здесь, быть рядом.

– Молли?

Я поворачиваю голову на звук хриплого голоса. Алиша стоит, запахивая халат на потрепанном временем крыльце. Она растолстела, ее кудрявые с проседью волосы топорщатся в разные стороны, а изо рта торчит сигарета. Она явно только с постели, ну или у нее крепкое похмелье. Сетчатая дверь за ее спиной громко хлопает, и она вздрагивает. Я молча подхожу к ней и смотрю на ее избороздившее морщинами темное лицо. Вспоминая то время, я не могу сказать, что Алиша была плохой, но то, что моя кожа не была достаточно черной, никогда не давало ей покоя.

– Что ты здесь делаешь? – снова задает она вопрос.

Она рыщет в карманах своего застиранного когда-то голубого халата зажигалку, но я опережаю ее и подношу к ее сигарете огонь. Алиша подкуривает, но не сводит с меня подозрительного взгляда. Такое ощущение, что она сомневается в реальности происходящего.

– Пришла навестить тебя, – отвечаю я и засовываю руки в карманы джинсов.

Алиша выпускает дым изо рта и издает хрипловатый смешок.

– Шутишь?

– Я не шучу.

Она смотрит на меня уже с удивлением. На висках блестят серебряные нити, и неприятный запах из ее рта полностью меня убеждает в том, что Алиша сорвалась.

– Через столько лет? – спрашивает моя бывшая приемная мать.

Я нехотя киваю. Есть причины, по которым я вернулась именно сюда.

– Ты сразу меня узнала. – Я сажусь боком на первую ступеньку крыльца и смотрю на Алишу снизу вверх.

Она щелкает языком и громко вздыхает, обдавая перегаром почти всю улицу.

– Твою белую рожу ни с кем не путаешь.

Ее расистские замечания давно меня не задевают, точнее я никогда и не заостряла на них внимания. Моя мама была белой, а папа черным. И пусть я никогда их не знала, я горжусь обеими расами, и каждый, кто смел тыкать мне этим в лицо, Алрой вырывал им языки.

Алрой.

Мой дом, моя семья, он – все, что у меня было. И я намерена вернуть свою семью.

– Не думаю, что я пушу тебя в дом, – продолжает возникать Алиша. – У меня два рта, которых нужно кормить и каждое утро отправлять в школу.

– Ты взяла еще? – спрашиваю я.

Алиша морщится.

– Долбаный Фред из центра защиты детей. Эти сопляки нуждались в доме, ну а я в деньгах.

Это в ее духе, я не удивлена.

– У меня есть деньги, – говорю я, глядя на нее.

При слове «деньги» темные глаза Алишы загораются. Но она все еще не верит мне.

– Ты все еще якшаешься с той шайкой?

Я бросаю на нее злобный взгляд.

– Шайкой?

Это пугает ее. Она может язвить, может поливать грязью меня, но называть «шайкой» банду «К» Алроя... да она бессмертная.

– Ну... – заикается Алиша. – Ты вышла из банды?

Я не подаю виду, что сама напугана и потеряна. Выдавлив удовлетворительную улыбку, спокойно отвечаю:

– Не задавай вопросов. Я плачú и остаюсь на диване.

– Надолго?

Несколько секунд я раздумываю над ее вопросом. Надолго ли?

Вместо ответа просто пожимаю плечами.

– Главное не задавай вопросов. Ты знаешь, к чему они приведут.

Вконец запуганная Алиша открывает передо мной дверь, и я делаю шаг в пропахший алкоголем, сигаретами и грязным бельем дом. Надеюсь, я не задержусь здесь надолго и верну свою прежнюю жизнь.

ГЛАВА 2

ДЖОРЕЛ

Помещение, в котором мы записываемся, это одна из старых звукозаписывающих студий моего отца. На самом деле я был удивлен, когда он предложил ее, узнав, что я с друзьями записываюсь.

Мы с парнями не мечтаем о славе, выступать перед толпами людей, иметь звезду на Голливудской аллее или о подобной чуши. Мы просто занимаемся тем, что нравится. Арчи заликает треки на сайты, их используют где-то в клубах, на самом деле я даже не интересовался особо. Мне нравится создавать, и я это делаю.

– Так все парни, я погнал. – Холл поднимается с крутящегося кресла и стряхивает с себя крошки ход-дога.

Я сижу за микшерным пультом и не обращаю внимания на возникшую вокруг суматоху.

– Мы собирались поесть где-нибудь, – подает голос Сэд. – Ты разве не с нами?

– Не. – Холл чешет белобрысую макушку. – Нужно решить кое-что.

– Кое-что это что? – не унимается Сэд.

– Кое-что это кое-что, отвали, – огрызается Холл.

Бекс, Арчи и Колин, – парень, который помогает нам с записями, – начинают громко ржать. Кажется, я один ничего не понимаю.

– Я тоже хочу повеселиться, – заявляю я, оторвавшись от работы. – Что смешного?

Бекс подмигивая Холлу, объясняет мне:

– У нашего скромника появилась наконец-то настоящая девушка.

– Во-первых, постоянная, – поправляет его Сэд. – А во-вторых, не девушка, а женщина.

Холл чуть ли не рычит и хватается свою кожаную куртку с кресла.

– Отвалите.

– В чем проблема? – недоумеваю я. – Ну встречаешься ты с женщиной, что тут такого?

Холл бросает на меня быстрый взгляд, а Бекс прочищает горло.

– Майки, ты где витаешь в последнее время?

– Да объясните!

– Я встречаюсь с замужней женщиной! – резко вставляет Холл. – Ей тридцать восемь, у нее есть сын школьник и идиот-муж, который живет на своей работе. Довольны?

Вот это уже другой разговор. Ничего себе новости. Я даже присвистнул.

– Все так серьезно? – спрашиваю я после некоторой паузы.

Холл, едва сдерживаясь, игнорирует смешки парней. Он смотрит мне прямо в глаза и едва заметно кивает. Я скалюсь и подмигиваю другу. Он показывает мне средний палец и выходит из аппаратной.

– Все, давайте тоже сваливать, – говорит Арчи, крутя на пальцах связку ключей.

Мы все начинаем собираться, и тут на меня резко находит озарение. Твою мать. Сегодня четверг.

Мой стон не остается незамеченным.

– В чем дело, бро? – Сэд тычет в меня кулаком под ребра.

Я заламываю ему руку, и мы со смехом вываливаемся на сверкающую сумеречными огнями улицу. На улицах ЛА мы местные пираты, охотящиеся на девочек с силиконовыми губами и грудью. Я обожаю даже запах, которым пропитаны эти улицы. Шаркая кроссовками по горячему от калифорнийского солнца асфальту и сдирая со своих друзей бейсболки, вды-

хаю запахи района 323 и не думаю о том, что скоро снова столкнусь с, казалось бы, давно убитым во мне чувством.

И вообще с чего я должен об этом париться? Я не еду домой с неохотой или легко читаемой тревогой в глазах. Как делал это Клэй. Я думал, возможно, все дело в его отце или матери, которая, по его словам, путешествовала. В каждой семье свои заморочки, и я не лез к нему с расспросами пока он сам все мне не рассказал. Ужасно жаль, что такое дерьмо происходит с хорошими людьми. Я никогда не знал маму Клэя, но уверен, что до болезни она была замечательной. Быть может, как и моя.

– До скорого. – Я ударяю ладонью по ладони Арчи, затем мы ударяемся кулаками. И так же с остальными ребятами.

– Не пропадай, – кричит мне вслед Сэд. – Сегодня туса.

Я приставляю два пальца к виску и имитирую выстрел. Сэд закатывает глаза и запрыгивает в «Астон Мартин» Бекса.

Особняк моих родителей затерялся среди бесконечной зелени района Бэл-Эйр. Густые живые изгороди и карликовые дубы охраняют сон моей дорогой мамы, которую я боготворю.

Она уже ждет меня, стоя на белом мраморном крыльце, когда я въезжаю через ворота. На ней красное, напоминающее оттенок граната, платье, которое почти воедино сливается с ее длинными волосами. Она улыбается и протягивает руки, и я словно мальчишка выпрыгиваю из машины и ныряю в ее объятия. Я давно перерос свою мать, так что, когда мы обнимаемся, ее лицо оказывается на уровне моей груди.

– Я скучала, – улыбаясь, произносит она, задрав голову.

Я убираю козырек своей бейсболки назад и дарю ей ответную улыбку.

– Прошла всего неделя, мам.

Она хмурится и, взяв меня за руку, ведет в дом. По холлу снуют слуги, как это часто бывает, когда мама устраивает семейный ужин. Ей нужно, чтобы все выглядело безукоризненно. Не выпуская из своей ладони моей руки, она садится на кожаный диван в гостиной и тянет меня к себе. Скрипя кроссовками по мраморному полу, я плюхаюсь рядом с ней. Через огромные от пола до потолка окна льется солнечный свет, а через открытую дверь доносится запах свежескошенной травы.

– Чем ты занимался всю неделю, милый? – интересуется мама, проведя ладонью по моей едва заметной щетине.

– Зависал с парнями в студии, записывал. Как обычно, – неоднозначно отвечаю я.

Мама снова улыбается и уже открывает рот, чтобы что-то еще спросить, но ее прерывает внезапно вошедший в гостиную отец.

– Джорел. – Он мягко улыбается и пожимает мне руку.

Так происходит всегда, когда между нами возникает физический контакт. Что-то во мне переключается. Словно какая-то частица в теле остро реагирует на это прикосновение, заставляя кожу покрыться мурашками, а мышцы напрячься. Это похоже на удар электрического тока. Хотя на самом деле, я не представляю, как может ударить током, со мной такого никогда не происходило. Но по ощущениям, мне кажется, это схоже.

Быть может все дело в его характере. Он не деспот, не тиран. У него есть минусы, как и у каждого человека. Но его рукопожатие всегда сопровождается этими непонятными для меня ощущениями.

– Отец. – Я быстро убираю руку и улыбаюсь, глядя на него.

Мы одного роста и внешне очень схожи. В отличие от моего безумия на голове, черные волосы отца всегда уложены безукоризненно. Черные витиеватые рисунки, тянущиеся от его

запястий, скрываются за рукавами закатанной до локтей белой рубашки. Мой отец привлекателен, богат и амбициозен.

– Я умираю с голоду, – говорит папа, подавая руку маме.

– Но. – Мама поднимается с дивана. – Эшли и Кристофер еще не...

– Хочу есть, – настаивает отец.

Мама ничего не говорит, так как не любит ссор, а их в нашей семье достаточно. Мы проходим в столовую, отделанную светлым деревом. Отец не любит изыски, поэтому помещение, где мы проводим традиционные семейные ужины, не такое огромное, что можно слышать эхо, когда вилка касается тарелки.

Когда-то нас собиралось намного больше, но постепенно тети, дяди и кузены разъехались по всему свету. Но мама настаивала на четвергах как на чем-то священном.

Я сразу же набрасываюсь на еду, когда подают первое блюдо, потому что кроме ход-дога, сегодня в моем желудке ничего не было. Папа как обычно начинает разговор. Порой он мне кажется до боли предсказуемым, хотя на самом деле это совсем не так.

– Все еще записываетесь на той старой студии?

Если бы мне было меньше двадцати трех лет, я бы закатил глаза. Зачем спрашивать то, о чем прекрасно осведомлен?

– Ага. – Я продолжаю жевать тающую во рту телятину.

Отец откладывает вилку и в упор смотрит на меня.

– Если бы ты хотел музыкальную карьеру, она бы у тебя была, – начинает он, – учитывая то, чем занимается наша семья. Но ты явно этого не хочешь. Но записывать музыку для клубов, это как-то низкопробно не думаешь?

– Это просто хобби, – стиснув зубы, цежу я. – И мне это нравится. Но ты ведь прекрасно знаешь, что я создаю музыку для видеоигр. Это другой уровень, хороший доход и главное меня все устраивает.

Мы тысячу раз об этом говорили.

– Мне хочется для тебя большего, – упорствует отец.

Мой разум способен понять то, что мои родители хотят для меня лучшего. Но я продолжаю упираться. Консерватор по жизни, я не хочу терять время на не представляющие для меня интереса, разговоры.

– Мне надоело говорить об этом. Мне двадцать три, я закончил Кроун, у меня есть то, чем я люблю заниматься. Постоянно копать в будущем меня не привлекает, оно еще не настало, черт возьми. Что ты от меня хочешь?

– Джорел, – строго произносит мое имя мама.

Я вздыхаю и бурчу:

– Извини.

– Ладно. – Отец тоже вздыхает и искоса поглядывает на меня. – Хорошо.

Прекрасно, теперь нам неловко. Ненавижу все это дерьмо. И где вообще Эшли? Это конечно с моей стороны погано, но, когда рядом Эшли, меня вообще не трогают и не задают вопросов.

– Простите, опоздала.

Только я о ней подумал, как она влетает в арочную дверь столовой. Моя сестра точная копия отца: высокая, черноволосая, с четко очерченными скулами и пронзительными зелеными глазами. И не только внешне. Она, как и отец, амбициозна и в какой-то степени, тщеславна. Они оба знают уровень своей планки. Эта схожесть одна из причин, по которым они ненавидят друг друга. Я ведь говорил, что в каждой семье свои заморочки.

Добро пожаловать в заморочки семьи Нэш.

Эшли чмокает маму, затем меня. На ней коротенькие шорты, майка и конверсы. Потрепав меня за макушку, она садится рядом с мамой и с жадностью накидывается на еду.

– Крис меня с ума сводит весь день. Сейчас уснул в машине. Я попросила Дебору при-
смотреть за ним.

При упоминании о Крисе мама расцветает.

– Я приготовила ему подарок.

Эшли закатывает глаза.

– Ты сильно его балуешь, мам.

– Вовсе нет.

– Мы вообще-то пытаемся поесть и поговорить. – Отец бросает недовольный взгляд на
Эшли, затем с едва заметной улыбкой смотрит на меня.

Ну уж нет. Я не собираюсь занимать ни чью сторону.

– Я тоже очень рада тебя видеть, папочка, – с ядовитой улыбочкой произносит Эшли.

Мы переглядываемся и прячем улыбки.

– Давайте просто поедим, – строго говорит мама, окидывая нас троих взглядом.

Эта женщина, похожая на Кейтилин Старк, способна быть и мягкой, и жесткой одновре-
менно. Так что за столом быстро образуется тишина.

После «веселого» обеда я иду к бассейну, который расположен прямо под балконом моей
старой комнаты. Хотя комната вовсе не «старая». Родители переехали в этот особняк в Бэл-
Эйр, когда я закончил первый семестр в Кроуне. Здесь я и не жил совсем, мои детские воспо-
минания остались в доме на Беверли Хиллз.

В тени пальмы построен деревянный выступ, в котором собственно и вырезан бассейн
в виде акулы. Эшли сидит на плавнике, опустив ноги в прозрачно-голубую воду, и бросает
какие-то бумажки туда же.

– Что ты делаешь? – Я сажусь в садовое кресло чуть поодаль от нее и достаю из кармана
шортов сигарету.

Сестра завязывает свои черные волосы в хвост и смотрит на меня.

– Это чеки моих счетов, оплаченные отцом.

Хмыкнув, я выпускаю дым.

– Очень по-взрослому, Эш Нэш.

Эшли фыркает, затем, окинув меня пристальным взглядом, поднимается на ноги, и через
секунду полностью забирается на мои колени. Мы сидим в обнимку как дети. Моя старшая
сестра наблюдает за тем, как я курю, а после выбрасываю окурочек прямо в бассейн.

Эшли смеется и обвивает руками мою шею.

– Хорошо, что мама не отдыхает в этой части сада.

– Иначе я бы не позволил себе подобного.

– Знаю. – Прищурившись, Эшли проводит пальцем по моему лбу. – У тебя кто-нибудь
появился?

Откинув голову на спинку кресла, я щурюсь от яркого солнца.

– Джори. – Сестра начинает щекотать мой живот.

Я стараюсь сосредоточиться на ее смехе, а не на руках, которые касаются моего живота.
Конечно, я не страдаю гаптофобией, но меня порой ужасно раздражает, когда меня трогают.

– Все, Эш, прекрати. – Я хватаю тонкие руки сестры в один ухват.

Она все еще смеется, не имея возможности вырваться.

– Большой мальчик боится щекотки. Черт, Джорел, я не заразная, тебе нужно к психо-
терапевту.

Я смеюсь и отпускаю ее руки.

– Я предпочитаю ручки других девчонок.

– Клянусь богом, я убью тебя, если ты снова уйдешь от разговора.

– Да? Ну а ты нашла себе кого-нибудь? По крайней мере, постоянного.

– Ой, заткнись. – Эшли намеревается встать с моих колен, но я дергаю ее на себя.

– И кто у нас мастер по уходу от разговора?

Нашу перепалку прерывает появившаяся из-за высокой изгороди газона мамина помощница с кухни. На ее руках сидит сонный и улыбающийся двухгодовалый малыш. Он сразу тянет руки, когда замечает нас.

– Крис! – Эшли соскакивает с моих коленей и бежит к ним. – Спасибо, Дебора. – Теперь уже Крис на ее руках, когда она подходит ко мне снова. – Поздоровайся с дядей Джорелом, милый.

– Привет, парень. – Я легко беру на руки Криса и, подбросив в воздух, устраиваю его на своих ногах.

Он что-то лопочет, но я не слушаю его, наблюдая, как малыш с темной кожей и копной курчавых волос, играет моей бейсболкой, пытаясь надеть ее на себя.

А вот главная причина, по которой отец ненавидит мою сестру. Даже мысленно не хочу произносить слово «расист». Не хочу думать, что мой отец такой. Но кого я обманываю?

– Знаешь, – подает голос, сидящая у моих ног, Эшли. – Мне уже совершенно плевать.

– Но мне нет, – отвечаю я и сжимаю одной рукой плечо сестры.

АЛРОЙ

– Я просто поговорил с ней. Всего пару минут, п-просто по старой привычке. – Дайрон смотрит на меня так, будто я сейчас пушу пулю ему в лоб.

Неужели я так жесток?

Отмахнувшись, я отворачиваюсь к окну и наблюдаю, как все мои парни отдыхают на заднем дворе со своими близкими. Дверь позади меня снова скрипит, и я слышу чьи-то шаги.

– Милый, мясо почти готово. Пойдем к остальным.

Мое тело натягивается словно струна. Это не тот голос, который я хотел бы слышать. Это не те губы, которые я хотел бы целовать каждый день. Я не могу позволить себе быть слабым. И правильнее бы было избавиться от этого старого дома. Но он хранит слишком много воспоминаний, с которыми трудно расстаться. Но помнить еще больнее.

Зачем она вернулась в Комптон? Глупо с ее стороны вернуться в дом той старой алкоголички Алишы, которая была ее опекушкой когда-то. Глупо вообще находиться рядом со мной так близко. У меня нет ни времени, ни желания отвлекаться на это дерьмо.

Оттолкнувшись руками от рамы, я прохожу мимо Камиллы.

– Не называй меня так.

Краем глаза замечая ее потухшие глаза. Камилла красивая и ненавязчивая, но я не хочу давать ложных надежд. Сделав пару шагов назад, я притягиваю ее за талию к себе и целую в губы. Ее мягкий стон ненадолго просачивается в мой разум, заполняя тело некой расслабленностью.

Во дворе собралось не меньше двадцати человек. Это моя семья. Не будь я лидером, я все равно был бы здесь, на этом самом месте.

– Алрой. – Спайк запускает руку в контейнер со льдом и бросает мне бутылку охлажденного пива.

Я направляюсь к месту, где Ниэйша начинает жирные куски стейков луком и специями. Она по-матерински треплет меня по голове, когда я сажусь рядом с ней на раскладной стул. В такие дни, когда вся моя семья у меня перед глазами, становится непривычно спокойно и уютно. Но на данный момент я этого не чувствую.

Двое парней Брайса играют в баскетбол с Лейлой, девчонкой Сэма. Брайс стоит чуть поодаль от самодельного баскетбольного кольца, прикрепленного к карнизу крыши, и с гордостью наблюдает за своими сыновьями. Но в его глазах стоит тот же страх, который появился полтора года назад. Тогда мы потеряли члена нашей семьи, жену Брайса – Джози. Ее застрелили прямо на лужайке у дома.

Мы отомстили, но это не вернуло ее. Только «К» и сыновья помогают Брайсу жить дальше.

– Сынок, мы можем поговорить о том, что рассказал Дайрон? – Ниэйша смотрит на меня задумчивыми темными глазами.

Я никогда не видел ничего, кроме добра и участия от этой женщины. Она заменила мне мать, которой у меня никогда не было. Но у кого из нас она была? Ниэйша заменила нам мать всем. Кроме Спайка, которому она никого не заменяла, являясь его родной матерью.

Хочу ли я говорить о Молли с ней? Конечно. Но не сейчас. Или лучше вообще никогда.

– Нет. – Я делаю большой глоток пива и отвлекаюсь на Камиллу, которая стоит возле моего «Кадиллака» и болтает с другими девчонками.

В ней все, что могло бы мне не хватать. Почти каждую ночь ее ноги обвивают мою спину, но это все что мы можем дать друг другу.

– Значит, я поговорю с ней сама, – снова привлекает мое внимание Ниэйша.

Ее серебряные нити волос стянуты в пучок на затылке, старый фартук обтягивает плотную фигуру. Домашняя мама Ниэйша может натаскать за уши кого угодно из нас. И никто ей не скажет ни слова. Власть этой женщины безгранична в «семье», но я не был бы лидером, если бы не умел сказать «нет». Даже Ниэйше.

– Не в этот раз, Ниэйша, – говорю я, глядя ей прямо в глаза. – Нет.

Она понимает, что это не тот случай, когда можно почитать мне лекцию. Она нехотя кивает и проводит шероховатой ладонью по моей щеке.

Кто-то из парней врубает в машине громкую музыку. Пока я разговариваю с Сэмом, в поле моего зрения попадает он. На нем мои старые джинсы, которые болтаются на нем, и выцветшая рубашка. Спустившись с крыльца, он медленно продвигается к столу хромая на правую ногу, – следствие десятилетней давности перестрелки, в торговом центре «Айндур Свэпмит». Тогда я был пятнадцатилетним пацаном и представить себе не мог, что этот законченный старый гангстер будет есть за моим столом, носить мою одежду, и я буду знать то, чего не знает он сам.

Но все же это произошло. И мне ни в коем случае нельзя раскрывать его личность. По крайней мере, пока. Не знаю как, когда и при каких обстоятельствах, но не сейчас.

– Как долго этот человек пробудет с нами? – задает вопрос Ниэйша, бросая косые взгляды на мужчину, которого я представил как Руффуса. – Мне он не нравится.

Ниэйша слишком проницательна, и я знаю, что она давно догадалась, что что-то тут не так. Но я продолжаю делать вид, что все не так, как она думает.

– Пока не знаю. Но думаю, скоро все решится.

ГЛАВА 3

МОЛЛИ

Запах вареных яиц возвращает меня в детство. Хотя стоит учитывать то, что запах в доме Алишы остался прежним, так что не только яйца напоминают мне о том времени, которое я провела здесь.

Подняв голову с подушки, я окидываю взглядом захлавленную гостиную. Передо мной сидит Лекс и засовывает что-то в свой мешковатый рюкзак.

– Эй, – окликаю его, и Лекс дергается. – Тебя в школе достают?

Парню тринадцать, и он не похож на затравленного подростка. И судя по его жесткому выражению лица и заточке, которую он запикивает в рюкзак, он знает, как за себя постоять.

– Неа, – ухмыляется парень.

Мне он, в общем-то, нравится. Он и Джекс попали к Алише по программе «фостер», как и я когда-то. Ей плевать на них, но они, по крайней мере, сыты и не спят на улице.

Встав со скрипучего дивана, я тянусь, чтобы хоть как-то расслабить застывшие мышцы. Не очень удобно спать, когда твои ноги свисают.

– Я тебе предлагал спать на моей кровати, – замечает Лекс, пристально разглядывая мое тело в трусиках и футболке.

– А я тебе сказала, что мне не особо хочется спать в одной комнате с десятилеткой.

– Ты будешь со мной. Джекса высадим на диван.

Забавно наблюдать, как этот парень учится флиртовать. Я на сто процентов уверена, что в школе его ровесницы млеют от этой белозубой улыбочки. Совсем скоро он превратится в сногшибательного парня.

Поправив свою огромную толстовку, Лекс ждет от меня ответа, не сводя глаз с моих ног.

– Не хочу слушать по ночам, как ты дрочишь, – заявляю я и направляюсь к кухне.

– Эй, – слышу за своей спиной. – Я уже давно занимаюсь настоящим сексом.

Улыбаясь, я вхожу на кухню и застаю Алишу с сигаретой в зубах и Джекса, доедающего свой тост. Джекс как всегда прячет глаза, когда я рядом. Он не имеет в наличии той дерзости, которой полон Лекс. Возможно, это объясняется тем, что ему всего десять, но я сомневаюсь. Еще его кожа намного темнее сводного брата.

Глядя на этих детей, я не могу отделаться от навязчивых мыслей. Каким будет их будущее? Они дерзки и их головы забиты мечтами.

– Оденься. – Алиша тушит сигарету в блюде, в котором лежат окурков двадцать, не меньше. – Ты не можешь разгуливать по моему дому голышом.

– Доброе утро, малыш. – Игнорирую эту старую перечницу и треплю густые волосы Джекса.

– Привет, – едва ли не шепотом отвечает он и подает мне тост со своей тарелки.

– Ты наелся?

Он кивает и выбегает из кухни. Я сажусь на его место и запикиваю в рот хрустящий тост.

– Вообще-то я с тобой разговариваю. – Алиша кладет на свои колени газету и ждет от меня реакции.

Я наконец-то смотрю на нее.

– Я не голая.

– У меня два подростка в доме.

– Когда ты это стала заботиться о приличиях?

Как жаль, что в детстве у меня не было такого большого запаса сарказма. Хорошо, что сейчас я способна на много больше, чем просто язвить.

– Ты живешь в моем доме... – начинает она.

Но я не позволяю ей закончить:

– Я за это плачу и хожу в чем пожелаю. – С этими словами поднимаюсь со стула, и намеренно задев стол голым бедром, выхожу из кухни.

Мне не остается ничего, как тупо глазеть в телевизор целый день и проклинать Майки. Он не отвечает на мои звонки. Прошла пара недель с тех пор, как мы виделись. Мне нужно встретиться с ним, но его очевидное нежелание выводит меня из себя.

Я должна быть благодарна этому парню, и где-то внутри себя я это осознаю. Он не может каждый раз лететь на мой зов, бросая все. У него своя жизнь. Мы слишком много ошибались и сплели слишком большой клубок из лжи. Я не представляю, как его распутать. Но мы вместе оказались в этом дерьме, поэтому я не могу перестать звонить ему. Он та часть меня, которую я хотела бы вырвать из своей жизни. Но это невозможно. Просто невозможно.

Гудки, а затем и голос автоответчика заполняют мои уши, и я с силой швыряю телефон об пол. Он не может меня бросить. Знаю, что ему тоже тяжело, что я клеймо в его безупречной и шикарной жизни, но он не избавиться от меня так просто. Зная Майки, я почти в нем уверена. Почти.

– Ого. – Лекс влетает в дом и, сбросив свой рюкзак, хватая с пола мой айфон. – Он тебе не нужен?

Несколько секунд смотрю на парня, затем решаю.

– Хочешь себе такой?

По лицу Лекса расплывается широченная улыбка.

– Шутишь?

– Тогда решено. Завтра куплю вам с Джексом по телефону.

Лекс недоверчиво отдает мне телефон и как-то странно смотрит на меня.

– Что?

– Ты странная.

Я усмехаюсь.

– Самое безобидное слово, которым меня называли.

– Нет, я серьезно. Откуда у тебя столько бабла?

Деньги, которые мне давал Алрой быстро тают. Мне нужно найти какую-нибудь работу, чтобы продолжать оставаться на плаву. Тайный счет, которым когда-то купили мое молчание, так и остается нетронутым. И я даже не собиралась прикасаться к этим деньгам. Те деньги, которые мы с Алроем воровали в детстве на заправке, были чище, чем те, что лежат в банке. Но этим детям без разницы.

– Не задавай вопросов. – В последнее время это моя любимая фраза. – Что еще хочешь? Приставку? Шмотки?

Лекс смотрит на меня обалдевшим взглядом. Его старые джинсы болтаются в области коленей, а кепка съехала набекрень. Его попытки косить под гангста-рэпера могла бы быть забавной. Но на самом деле, мне больно смотреть на этого ребенка. Он так похож на Алроя в его четырнадцать. Он был точно таким же.

– Ты...

– Завтра едем, – прерываю я его и включаю громче маленький телевизор.

Лекс все еще задумчиво расхаживает по гостиной, но я игнорирую его. Затем он садится рядом со мной и громко вздыхает. Убавив звук, я тоже вздыхаю.

– Ну чего тебе?

– Ты, правда, знакома с бандой «К»? Слышал, как Алиша с тобой о них говорила.

Мое дыхание становится частым. Знакома ли я с ними? Да это моя семья.

Но я не говорю этого Лексу.

– Бывало как-то, пересекалась с ними. – Знал бы этот мальчишка, с каким трудом мне удается оставаться равнодушной и делать вид, что его вопрос обычный. Все мои внутренности буквально сжались. – А что?

– Что? – Лекс таращит глаза. – Да это же, – он запинается, – новые «Кровавые»¹. С того времени никто так не поднимался. Алрой уже легенда.

Наверное, печально слышать то, что тринадцатилетний парень поклоняется не Бэтмену или подобной чуши, а предводителю уличной банды. Но знаете... Это Южный централ. Никакого Бэтмена. Только реальная жизнь.

– Если ты закончил, – я бросаю в него валявшимся рядом каким-то полотенцем, – тащи свою задницу в душ. Джекс уже вернулся, я приготовлю нам что-нибудь поесть.

Лекс тащится за мной на кухню, без конца задавая вопросы об Алрое.

– Молли, как ты можешь так спокойно об этом говорить? Я хочу его увидеть. Ты можешь взять меня на какую-нибудь тусовку?

Резко развернувшись, я смотрю на этого мальчишку. Он ниже меня всего на пол головы.

– Больше не заводи об этом разговор.

– Все в школе просто охренеют, ты не понимаешь...

– Как раз понимаю. Закрыли тему. – Я выталкиваю его из кухни.

Лекс разочарованно пыхтит и, схватив свой рюкзак, тащится по ступенькам вверх.

Увидев другую сторону жизни, я поняла, что можно вырваться. Если этого ты хочешь сам конечно. Я не жалею о своей жизни, потому что она моя. Пусть эти мальчишки мне никем не приходится, но всегда есть шанс достигнуть чего-то лучшего. Быть может кто-то из них попытается.

Вечером я уже совершенно не знала, куда себя деть. Майки продолжает игнорировать мои звонки. Сидя на крыльце, я смотрю, как соседские мальчишки играют баскетбольным мячом прямо на дороге. Из дома напротив выходит какой-то парень в черном кожаном жилете и подкуривает сигарету. Он машет мне рукой, и я машу в ответ, хотя ума не приложу кто он.

Но это не имеет значения. Внезапно мне приходит мысль. В сотый раз, вытащив телефон из кармана джинсов, я уже набираю другой номер. Гудки тянутся убийственно медленно. И когда я уже отчаиваюсь услышать ответ, слышу знакомый голос.

– Господи, Молли, я же просил тебя не звонить мне больше. Ты знаешь, что будет, если он узнает?

– Знаю, – спокойно отвечаю я. – Заткнись и слушай, Дайрон. Если хочешь жить, ты исполнишь еще одну мою просьбу.

– Нет, и не проси меня, – шипит он. На заднем плане я слышу голоса, но через несколько секунд все стихает. Значит, он один.

– Ты не понял. Я не прошу, – говорю я.

Дайрон вздыхает, и я могу даже представить, как его руки трясутся.

– Какой смысл тогда? – начинает он. – Если он узнает, что я говорю с тобой, он убьет меня. Если... – тут он замолкает, но мы оба понимаем, что он имеет в виду. – При любом раскладе, он меня убьет.

Алрой способен на это. Но он не зверь.

– Он не узнает, что ты со мной говоришь, – успокаиваю я Дайрона. Хотя на самом деле, мне плевать. – К тому же, я не настолько важна, чтобы за пару звонков со мной убивать кого-то.

Дайрон нервно усмехается.

¹ Bloods – альянс афроамериканских уличных группировок Южного централа.

– Ты должно быть шутишь. Тебя изгнали, но твое имя имеет вес. И пусть *таким* образом, но имеет. Никто не хочет этого дерьма, Молли.

Он прав. Раздумывая над его словами, я ногтем раздираю дырку на колене своих джинсов. Какая бы ни была, но у меня все же еще есть власть.

– Сегодня понедельник, – говорю я после небольшой паузы. – Алрой отправляется в Инглвуд. Ты с ним?

Дайрон снова тяжело вздыхает.

– Нет. Алрой сказал мне присмотреть за Ниэйшей. Похоже за ней хвост.

Как же я скучаю по Ниэйше. Я бы все отдала, чтобы увидеться с ней. Но так я рисковать не буду. По крайней мере, не сейчас.

– Кто-то из «Мятежников»?

– Алрой подозревает токийцев.

– Черт, – выплевываю я.

– Ты не должна всего этого знать, – продолжает играть свою пластинку Дайрон.

– Но знаю. Спасибо тебе.

– Молли...

– Заткнись. Будешь весь вечер с Ниэйшей?

– Наверняка.

Я поднимаюсь с крыльца и, прикрыв ладонью голову, смотрю на красный диск солнца.

– Напишешь мне, когда дома будет тихо. Дальше я сама.

– Ты же не...

– Дайрон, прекрати. Делай, что я сказала. – Я отключаюсь, чтобы больше не слушать его нытье.

Это плохая идея, но у меня есть все задатки для исполнения таких идей. Мысленно я твержу себе, что мне нужно забрать свою джинсовую куртку, которую мне сшила Ниэйша. И да она, несомненно, мне нужна. Но самым главным для меня является естественно ни это. Мне не остается больше ничего, как продолжать творить глупости. Пусть убьет меня, если я попадусь. Пусть сделает со мной все, что угодно, но я сделаю что задумала.

Оставив на себе рваные джинсы, я надеваю поверх футболки толстовку со шнурками и прячу волосы под капюшон. Смысла в этом нет, но я привыкла что-то прятать и скрывать, причем во всех смыслах.

Судя по темноте в комнате парней, Джек уже спит, а Лекс либо курит на заднем дворе, либо пытается закадрить соседскую латиноамериканскую девчонку. Парень не в курсе, что ее папаша может разбить ему нос.

Я крадусь к комнате Алишы по ужасно скрипучему полу. Заглянув через щель в ее спальню, я вижу ее спящей в груди давно нестиранной постели с бутылкой в руках. Судя по храпу и невыносимому перегару, она пьяная.

Солнце уже село, когда я выхожу на улицу и, засунув руки в карманы, иду по тротуару. Повсюду голоса и движение. Рэп черных кварталов режет слух. Старый дом, который мне дорог, находится у аэропорта. Я довольно быстро добираюсь туда. Смс от Дайрона пришла десять минут назад, поэтому сейчас я стою и смотрю в окна этого дома.

Мое сердце разрывается от боли. Бледно-голубой сайдинг и сетчатый забор, такие простые вещи, которые рвут душу на куски. Оглядываясь, я оббегаю главный вход и оказываюсь у крыльца задней двери. Изнутри совершенно ничего не слышно. Надеюсь, там действительно никого нет. За этим домом не следят, если у Алроя появляются враги. Именно поэтому он остается таким, как и был. Лишь однажды, в прошлом году, Алрой привез сюда одну рыжую принцессу, девчонку Клэя. Но это не было опасно, так как «17:29» никогда не представляли

такой опасности, с какой мы сталкивались всю свою жизнь. Вот только девчонка оказалась не простой. Этого никто не ожидал.

Довольно быстро попав внутрь, я мысленно ухмыляюсь незапертой двери. Сюда никто не полезет из местных.

Кофейный столик в гостиной заставлен пивными банками. Когда я жила здесь, я убирала это дерьмо. Заглянув на кухню, не нахожу там никого и немного расслабляюсь. В комнатах наверху тоже тихо, и я целенаправленно подхожу к одной из дверей. Ладонями я касаюсь шероховатой поверхности и толкаю дверь.

Здесь всегда пахло только им. Или мне так казалось. Алрой говорил, что лишь мой запах заполнял нашу комнату. И думать сейчас о нас в прошедшем времени невыносимо. Где-то внутри меня еще есть надежда. Если бы только я могла справиться с правдой. Но я не могу. Даже ради него.

Кровать застелена все тем же покрывалом, которое покупала нам Ниэйша. Окно немного распахнуто, запуская сюда голоса и запахи улиц. Моя ладонь скользит по комоду, на котором лежит белая маска Алроя. Затем по шкафу, в котором должны быть и мои вещи, если он их не выбросил.

Как только я собираюсь раскрыть шкаф, дверь в комнату резко распахивается. Я вздрагиваю и инстинктивно тянусь к носку, в котором спрятан нож.

Свет, льющийся из коридора, заполняет комнату, и я узнаю вошедшего. Она тоже замечает меня и вскрикивает.

– Молли?

Тянутся мучительные секунды, пока мы молчим, не веря своим глазам. Она в ужасе. Видеть меня здесь. Но я в ужасе от того, что она в одном лишь полотенце и входит сюда так, будто делает это постоянно.

Нет...

Нет, нет, нет.

Сама того не понимая, я говорю это вслух.

Камилла пятится. С ее коротких черных волос капает вода, и она громко сглатывает, заметив нож в моей руке.

– Не глупи, Молли, – тихо говорит она.

Я делаю два шага вперед, она назад. опередив ее, я захлопываю дверь, чтобы она не убежала, а затем затыкаю ей рот ладонью, чтобы не заорала.

– Ни звука, – шиплю, глядя в ее испуганные глаза. – Ты в доме одна?

Она медленно качает головой.

Дерьмо. Здесь кто-то еще.

– Как только я уйду, ты больше никогда не войдешь в эту комнату, ты поняла меня?

Еще несколько минут назад меня разрывало то, что я нахожусь здесь. Но сейчас мне кажется, что все мои органы и части тела постепенно умирают. Мне неизвестно, был ли Алрой с кем-то в то время, когда мы были вместе, но я никогда об этом не думала. Они все равно для него ничего не значили.

Но Камила...

Она была моей подругой. И она в этой комнате. Я в долбаном аду.

Камилла только мычит в мою ладонь, и я сильнее прижимаю ее к стене. Мне хочется закричать, хочется воткнуть ей в горло этот нож, но единственное, что я могу сделать, это сбежать. Мои нервы натянуты до предела, и я не способна контролировать эмоции. Замахнувшись, я со всей силы ударяю Камиллу по левому виску и бросаю ее на пол.

Это создает шум, поэтому я пулей вылетаю в коридор и бегу вниз. Мне уже плевать через какую дверь сбежать. Я несусь к главной двери и, выбежав наружу, замечаю какого-то мужчину, сидящего на крыльце. На вид ему больше сорока, но он все еще сохранил лицо и

стать. Он удивленно смотрит на меня снизу вверх. Его лицо на миг напоминает мне кого-то, но это может быть объяснимо. Возможно, я его знаю. Но злость и боль, бурлящие в моей крови, не дают воспоминаниям прорваться наружу.

– Кто ты? – слышу его вопрос.

Я ничего не отвечаю. Снова прячу волосы под капюшоном и выбегаю на тротуар. Нужно уйти. Уйти и никогда не возвращаться.

ГЛАВА 4

АЛРОЙ

Руффус усмехается, когда я прохожу мимо него, сидящего на диване.

– Что тебя так развеселило?

Он отрывает глаза от телевизора и смотрит на меня с улыбкой на губах. Мне все еще сложно представить, что это именно тот человек. Точнее, мне верится в это с трудом. Но даже сейчас, когда он фактически зависит от меня, я не могу проявлять неуважение. И даже не знаю, по какой конкретно из двух причин. Наверное, по обеим сразу.

– Здесь была небольшая потасовка, – объясняет Руффус, все еще посмеиваясь.

Похоже, недоумение горит в моем взгляде, поэтому он объясняет:

– Приходила твоя бывшая. Ну и... расчихлила нынешнюю.

Я готов был услышать все, что угодно. Токийцы следят за мной, латиносы не хотят мира, а Мятежники крутят старую добрую пластинку о мести. Все это чертово дерьмо я разгребу без особых усилий.

Так что, да. Я готов был услышать что-то из этого. Но не то, что сказал Руффус. Моя жизнь достаточно насыщена, чтобы обременять себя подобными проблемами. К тому же, мне никогда и не приходилось этого делать. Все было ясно. Я и Молли. Всё. Если у меня есть один человек, я не заморачивался по поводу другого.

Сейчас все изменилось. Мы разделились. Поэтому фразочка Руффуса меня смутила. Это может означать только одно: Молли была здесь.

– Когда это было? – спокойно спрашиваю я.

– Пару часов назад. – Руффус небрежно бросает пульт на диван. Его глаза не отрываются от меня.

Я бросаю куртку на кресло и в два шага оказываюсь у лестницы.

– Кто она? – слышу вопрос за своей спиной. – Эта мулатка.

Замерев на ступеньках, я не сразу оборачиваюсь. Что мне ему ответить? Правда сейчас никому не нужна.

– Никто.

Камилла всхлипывает, когда я открываю дверь своей спальни. Она соскакивает с кровати и бросается на мою грудь, словно я спасаю ее от чего-то. Уткнувшись в мою толстовку, она что-то бормочет и прижимается теснее. Мне не остается ничего, лишь только обнять ее одной рукой и дать немного времени на эту сцену. Что могло такого произойти, что она так испугалась?

Наконец-то я отрываю ее от себя и, наклонившись, смотрю на ее опухшее от слез лицо. Ее сильно вьющиеся волосы едва достают плеч, с них еще капает вода. Боже, надеюсь, Молли не пыталась ее утопить.

– Она угрожала мне, – говорит Камила.

Мне хватает ума не усмехнуться вслух. Я не удивлен.

– Как именно? – спрашиваю, отойдя от нее.

Она наблюдает, как я снимаю толстовку, пропахшую потом и кровью. Правая половина моей груди усеяна шрамами. На руках они заметнее, но им нужно время. И это не те шрамы, которые могут подтверждать клише моего образа жизни. Честно признаться, я сам не могу объяснить, зачем свел все татуировки. Просто свел и все.

– Это больно? – Камила подходит вплотную и касается шрамов, оставленных лазером.

– Нет, – отвечаю я, глядя на ее вдруг спокойное лицо. Минуту назад она была в истерике. – Ты не ответила на мой вопрос.

Она поднимает глаза и смотрит на меня.

– Сказала, что проткнет мне горло, если я еще раз войду в эту комнату.

Все мое тело напрягается. Но не от этого, что Молли угрожала Камилле. Она была здесь. И она никогда не сдастся. Молли будет бороться за свое до конца. А меня она считает «своим». Даже после того, как она втоптала мое чертовое сердце в грязь, она не оставляет попыток вернуться. И никогда не оставит. Именно за это я ее любил. И продолжаю любить.

– Это всего лишь угрозы, – отвечаю я, стараясь расслабиться. Но у меня это плохо получается.

Нельзя чтобы Молли создавала мне проблемы внутри. Внутри моей семьи и меня самого. Я решил, что с этим покончено.

– Н-но... – Камилла хватается за руку. – Мне страшно. Она всегда была немного, – тут она замолкает, видя, как мои челюсти сомкнулись.

Если Камилла думает, что теперь она имеет право поливать Молли грязью, то она чертовски ошибается. Я вообще не намерен обсуждать людей, которые предали и ушли из моей жизни. Над последним, кстати, придется еще поработать.

– Она была твоей подругой, – цежу я и принимаюсь расстегивать свой ремень. – И мы больше не будем это обсуждать, ясно? Она тебя не тронет.

Камилла не перечит мне, а просто кивает. Ненавижу, когда она так делает. Ненавижу это подчинение и благоговение в глазах. На левой стороне ее лица я замечаю отек. Это стиль Молли, и я узнаю его.

Когда мой ремень уже расстегнут, Камилла распахивает на себе полотенце и пятится к кровати. Закрыв глаза, я двигаюсь за ней. Она разворачивается и ладонью упирается в мою грудь. Я падаю на кровать и позволяю себе наконец-то расслабиться. Я даже не принял душ, от меня все еще несет кровью, но это уже не важно. Камилла уже устраивается на моих бедрах и достает член из моих трусов. Секс всегда расслабляет. Не дает забыться, но расслабляет и на определенное время это действует.

Из моего горла вырываются стоны, когда Камилла берет член полностью в рот. Она делает это с особым усилием, слишком старается, но неужели я буду жаловаться?

– Все готово, брат. – Спайк одаривает меня белозубой улыбкой и закрывает дверь.

Я закрываю двери фуры и стучу по ним ладонью. Спайк давит на газ, и грузовик трогается с места.

– Как так получилось, что я одна ответственна за ту хрень, с которой вы ребята, сейчас столкнулись? – Передо мной вырастают высоченные шпильки, которые держат на себе ноги потрясающей и соблазнительной длины.

Кэт активно работает челюстями и накручивает на указательный палец темный локон. В ее ушах блестят большие серьги-кольца. Эта с виду типичная цыпочка, умеет наживать проблемы, но мы не оставляем своих никогда.

– Поверь, Кэт, это не совсем так. – Я щелкаю ее по носу и прохожу мимо.

Мы находимся на складе, почти на границе Комптона и Инглвуда. Именно здесь мы базируемся и храним свой товар.

Кэт, стуча каблуками, идет следом за мной.

– Но Кэп ясно дал понять, если я не приползу обратно к нему, то всем «К» объявят войну.

Я усмехаюсь, проходя в просторное помещение, где раздастся эхо. Бетонные стены хранят прохладу и десятки ящиков, которые так жаждут Мятажники.

– Ты лишь повод, они давно этого ждали, – отвечаю я, поливая шею прохладной водой из бутылки.

Кэт смотрит на меня и безразлично пожимает плечами.

– Очень повышает самооценку, Алрой, спасибо.

Я смеюсь и, прижав одной рукой Кэт, целую ее в щеку. Она была девочкой, когда Мятеежники, грабя магазин, убили ее отца. Долгое время Кэт была, проще говоря, подстилкой для Кэпа и его парней, пока однажды она не сбежала и не оказалась с нами. И я сделаю все, что угодно, чтобы она не вернулась обратно словно вещь.

– Ты выше всего этого, солнце. Помни об этом, поняла? – Я смотрю в упор на нее сверху вниз.

Кэт прекращает жевать жвачку и медленно кивает.

– Хорошо. – Оставив ее на складе, я снова выхожу на улицу.

Возле колонки стоит Дайрон и что-то упорно печатает на телефоне. Когда он замечает меня, резко дергается и убирает телефон в задний карман штанов. Не пойму, что с этим парнем в последнее время не так. Он ведет себя так, будто я в любой момент могу его грохнуть.

– Дайрон, братишка. – Подхожу в упор и всматриваюсь в его обескураженное выражение лица. Оно хранит на себе огромный отпечаток пожара клуба «Икс» на Сансет Стрип, который мы устроили этой весной.

Ожог на лице Дайрона тянется от правого уха и, пересекая скулу, заканчивается на шее. Лысую голову он прячет от солнца под белоснежной банданой.

– Все в порядке? – спрашивает он.

Я киваю и все еще смотрю на него.

– Что с тобой происходит?

Он нервно смеется и кладет свою руку мне на плечо.

– Что? Ничего. Что может случиться, о чем ты можешь не знать?

Его слова звучат вполне правдоподобно.

– Не знаю, – отвечаю я.

– Все хорошо, Алрой, – бодро говорит Дайрон. – Я серьезно.

У меня нет повода не верить ему. Я верю всем своим парням, потому что они заслужили это доверие. Но меня не покидает мысль, что кого-то могут купить или просто чем-то шантажировать. Такое возможно. Мысль о предательстве теперь будет постоянно меня преследовать и не давать спать по ночам.

– Я тебе верю.

Мы возвращаемся на склад, и как только я слышу вибровывозы своего мобильного, тут же отвечаю:

– Спайк, все нормально?

– У нас проблемы, Алрой. – По голосу Спайка я понимаю, что все пошло наперекосяк.

– Так, спокойно...

– Нет, нет, послушай, брат, – перебивает меня он. – Где Кэт?

– Она со мной.

– То есть ты сейчас на нее смотришь?

Дайрон стоит рядом и слышит весь разговор. Мы обмениваемся обеспокоенными взглядами и видим в глазах друг друга страх.

– Найди ее, – говорю ему. Дайрон тут же выбегает на улицу и достает из-за ремня «глок». – Объясни, что случилось? – требую я.

– Нет времени! – почти кричит Спайк. – Где Кэт?

– Она только что была здесь, с нами. Успокойся, твою мать, и объясни.

– Нас ждали.

– Что?

– Алрой...

Голос Спайка перебивает громкий рык Дайрона:

– Неет! Дьявол!

Я бросаю телефон на капот машины и бегу в небольшое складное помещение, примыкающее к гаражу. Отпихнув железную дверь, я оказываюсь внутри и замираю на месте.

Нет. Этого не может быть.

Дайрон распинывает стоящие повсюду старые складные стулья и схватившись за голову, орет во все горло. Посередине комнаты на бетонном полу и в луже собственной крови лежит Кэт.

Крошка Кэт, которая пройдя через дерьмо, которое выдержал бы не каждый, радовалась каждой мелочи. Из горла сочится кровь, и я падаю рядом с ней на колени, чтобы зажать рану.

– Кэт, Кэт, слышишь? Все хорошо, потерпи немного.

Рука Дайрона отпихивает меня от нее.

– Она мертва.

– Отвали. – Я отталкиваю его и провожу мокрой от крови ладонью по еще теплomu от солнца лицу Кэт.

– Алрой, прекрати. Смотри сюда. Смотри же!

Мне с трудом удастся оторвать взгляд с умиротворенного личика Кэт и посмотреть в сторону, куда указывает Дайрон.

На железной двери красуются еще свежие от аэрозольной краски слова:

ЭТО ВОЙНА.

ГЛАВА 5

ДЖОРЕЛ

Мои пальцы пробегаются по гладкой коже спины и останавливаются на пояснице. Там, где я должен чувствовать ткань, но ее там нет. Стейси замечает мою реакцию. Она тихо смеется и поднимает голову, глядя снизу вверх.

– Просто подними юбку.

Я усмехаюсь и делаю, как она сказала. Затем приподняв девушку за бедра, устраиваю ее на столе. Мы находимся в чилауте какого-то клуба, названия которого я даже не помню. Приехав сюда пару часов назад, я понял, что мне здесь жутко скучно. Ну кроме того, что происходит сейчас, конечно.

Стейси раздвигает ноги и откидывает голову, пока я расстегиваю джинсы. Она снимает с меня бейсболку, под которой вокруг головы повязана моя бандана. Не могу расстаться с ней, черт возьми.

– Боже, какой ты сладкий, Майки. – Стейси трогает мой член и впивается мне в губы.

От одних ее умелых пальчиков я готов кончить. Она теснее прижимается ко мне, и я уже не могу сдерживаться. Достав презерватив из ее лифчика, который она запихнула себе у бара, давая понять, что нас ждет, я разрываю упаковку и позволяю этой девушке раскатать латекс по своему члену. Когда я уже внутри нее, дверь в чилаут сотрясается от грохота.

– Что такое? – недовольно стонет Стейси, но продолжает двигать бедрами мне навстречу.

Не обращая на этот стук внимания, я продолжаю ее трахать, затем слышу вопль Арчи:

– Если ты не кончишь через три минуты, Майки, мы уезжаем на гонку!

Что? Какого хрена?

Неужели на сегодняшний вечер наклеивается что-то лучше, чем перепис с барменшой в чилауте? Мне не придает это чести, но я кончаю быстро, потому что мечтал свалить отсюда, как только мы сюда приехали.

Стейси недовольно стонет, когда я снимаю презерватив. Черт, она не кончила. Но у меня нет на это времени.

– Прости, крошка, – мурлычу я, прижав свои губы к ее сладко пахнущим волосам. – Может, поедешь со мной, и я закончу позже то, что начал? Обещаю.

– Я на работе, – скулит она, и я вижу полное разочарование в ее голубых глазах. Я козел, но мне нужен был именно этот ответ.

– Мне нужно идти, правда. – Надеваю бейсболку на бандану и привожу в порядок джинсы.

– Козел, – выплевывает она, одергивая короткую юбку.

Судя по ее наряду, она делает это не реже, чем раз в свою рабочую смену. Так что думаю, она еще может получить свое сегодня. Но все же мне немного стыдно, что я оставил девушку неудовлетворенной. Это виноват Арчи.

Он стоит в фойе, когда я прохожу сверкающую стробоскопами танцевальную площадку.

– Наконец-то, чертова секс-машина, погнали отсюда, – говорит он.

Мы выходим из клуба и оказываемся на бульваре, как всегда кишашем людьми и огнями.

– Ты еще за это заплатишь. – Я толкаю друга кулаком в спину.

Арчи ржет, когда мы загружаемся в мою машину, в которой уже сидят Сэд, Бекс и Холл.

– Так куда мы едем? – спрашиваю я, вырливая на проезжую часть.

Бекс врубает музыку и качает головой в такт, поэтому Арчи приходится орать:

– Колин участвует в чоппер гонке сегодня. Я поставил на него за нас всех.

Я удивленно смотрю на него.

- Ты так в нем уверен?
- А ты думал, он только с миксом лабаает? Этот парень зарабатывает себе на жизнь.
- Хрен с ним. – Я выжимаю газ. – Главное, чтобы не было скучно.

Это не скучно. Это, твою мать, охренный драйв. Толпа людей, которые жаждут скорости, денег и зрелища, собрались на давно закрытой штрафстоянке. Парень с дредами и цепями на низко сидящих штанах, что-то колдует со светом, который резко становится синим. Это создает ощущение виртуальной реальности. Из его спорткара начинает играть Mario Joy «California», и стоянка заполняется воплями.

Дюжина чопперов подъезжают к нарисованному красной краской старту. Среди них я замечаю светловолосую голову Колина. Мы проходим среди толпы возбужденных людей прямо к старту.

– Не подведи, дружище! – Арчи хлопает Колина по плечу.

Тот довольно кивает и выжимает на своем чоппере скорость. Свежего воздуха становится меньше, когда все тот же парень с дредами кричит «Погнали». Мотоциклы срываются с места, оставляя за собой выхлопы. Но люди не обращают на это внимания, все сосредоточены на гонке. Свет на стоянке играет уже красноватыми бликами, освещая разрисованные граффити стены. Музыка все так же играет, а гонщики приближаются к финишу, сделав несколько кругов.

Честно признаться это довольно опасно. Я вообще не представляю себя за рулем такого агрегата, но видя, как парни ловко делают повороты и мастерски обгоняют друг друга, я не могу не восхититься.

Колин финиширует первым, и мы с парнями прыгаем друг на друга и кричим ухмыляющемуся Колину.

Немного позже вечеринка уже в самом разгаре. Какого хрена мы раньше не приходили в это место? Здесь намного круче, чем в каком-нибудь клубе, где все происходит по одному и тому же сценарию.

– Майки, брат. – Холл опускает свою здоровенную ручищу на мое плечо. Он пьян, это можно определить по его улыбочке. – Знаешь, любовь дерьмо.

Я фыркаю в кулак и пристально смотрю на него.

– Чего?

– Чего? – передразнивает Холл. – Ей позвонил муж, и она сорвалась к нему в Майами. Это...

– Холл, он ее муж.

– А я ее трахаю, черт возьми. – Он прикладывает к бутылке.

Мы сидим на капоте моей машины. Вокруг нас музыка, девочки и море виски. Вокруг гонщиков на их чопперах делают селфи девчонки тут же вкладывают свои фото в Инстаграм. Мне приятно наблюдать за такими обычными вещами.

Стóбит мне об этом подумать, как Арчи хватает меня за шею и, притянув ближе, наводит на нас свой телефон.

– Запостим, – бормочет он. – «17:29» в отпуске.

Сэд щурит глаза, оглядываясь вокруг.

– Мы все еще играем в эти игры?

Я бросаю на него настороженный взгляд.

– Игры?

Он пожимает плечами.

– Для нас это не игры, – вставляет Бекс, отпивая колу. Сегодня он трезвенник.

– Клэй вышел из «игры», – подчеркивая последнее слово, говорит Арчи. – Но я-то вернулся.

– Чертов Клэй, – бурчит Холл. – Его не хватает.

Сложно не согласиться. Его и впрямь не хватает, но у него появились свои цели. Не касающиеся нас. Это нормально. Дело не только в Линдси. Клэй...это просто чертов Клэй.

Через несколько минут подходят девчонки, имена которых я сразу же путаю. Они дразнят меня «ниндзя» и флиртуют, как это часто бывает. Одна из них тщательно изучает буквы, вытатуированные на моих пальцах.

– Это что-то особенное? – спрашивает она, перебрасывая рыжую прядь через плечо.

Я сжимаю правую руку в кулак, не давая возможности полностью прочесть.

– Слишком личное? – снова интересуется девушка.

Поднимаю голову и смотрю на нее.

– Это просто буквы.

Она больше не задает вопросов. Музыка продолжает грохотать на стоянке, и вечеринка обещает затянуться на всю ночь. Просто идеально.

– Тебе звонят, Майки. – Девушка указывает на мой телефон, который я держу в руке.

На экране я вижу имя Молли. Точнее несколько символов, которые я забил в контакты. Но цифры я уже успел выучить.

Она звонила несколько раз вчера вечером, но я не отвечал. Знаю, что не имею права так поступать с ней. Возможно, я единственный, кто остался в ее жизни. Но порой мне так сложно... Чертовски сложно отвечать на эти звонки и постоянно лгать. Я устал.

Телефон продолжает вибрировать, а я продолжаю на него смотреть.

Эшли и я часто встречаемся, чтобы просто поесть. Иногда я остаюсь в ее квартире в Восточном Голливуде. Эш не доверяет нянькам, поэтому я остаюсь с Крисом, когда старшая сестренка пытается устроиться самостоятельно в этой жизни. Она занимается всем, что попадает ей под руку. На данный момент она решила создать свой сайт, чтобы продавать через него вещи. Кстати, которые шьет сама. Однажды она продавала самодельные заколки прямо на улицах Глендейла. Отец тогда запер ее в доме, а затем купил ей квартиру.

Открытое кафе, в котором мы договорились встретиться с сестрой, находится рядом с прачечной в Восточном Голливуде. Люди сидят за столиками в плетеных креслах с корзинами чистого или грязного белья.

Я паркуюсь на другой стороне и перехожу улицу, видя, как Эш занимает столик с двумя напитками. Я целую ее в щеку и беру заказанный ею для меня кефирный коктейль.

– У тебя все хорошо? – интересуюсь я, когда мы усаживаемся.

Эшли поднимает солнцезащитные очки на лоб и, вздохнув, принимается тереть свой черный хвост. Мне уже это не нравится.

– Эш?

– Все хорошо, – поджав губы, отвечает сестра. – Только не злись, Джо.

Я ставлю локти на столик и скрещиваю пальцы.

– Что такое?

Эшли продолжает виновато пялиться на меня.

– Я пригласила Шарлин.

При звуке ее имени все мое тело пронзает тупая боль. Последнее что мне хочется, так это видеть ее.

– Эта с... – рычу я, но Эш меня перебивает:

– Да, Джо, милый, эта сука разбила твое сердце, но каждый заслуживает второй шанс.

– Второй шанс? – Я почти бросаю стакан на столик и откидываюсь на спинку кресла. Мне с трудом удается сдерживать поток слов, рвущийся из самого моего нутра. Но я давно научился не болтать.

Эшли вздыхает и пытается подобрать слова.

– Она умоляла меня, чтобы я устроила вам встречу. Нельзя вечно ненавидеть человека.

– Вот только не надо, – мой рот кривится в ядовитой усмешке. – Не делай вид, что ты хорошо к ней относишься до этого.

Сестра скрещивает руки на груди. Виноватое выражение лица постепенно занимает обороняющее.

– Я этого не отрицаю. Но мне показалось, было бы не так плохо, если вы все же сможете поговорить.

Никак не реагирую на ее слова. Я плююсь на людей, улицу, официантку, на что угодно только не на сестру. Зачем возвращать проблему, если она ушла? Я не понимаю.

– Не понимаю, зачем ты это сделала, – уже спокойно произношу я.

Эшли накрывает своей рукой мою сжавшуюся в кулак ладонь.

– Ты отпустишь это дерьмо, когда простишь.

Слишком легко и просто это звучит.

Когда я ничего не отвечаю, Эшли молча отпивает свой коктейль. Я чувствую ее взгляд. Мне нужно уйти, но я продолжаю сидеть на месте.

– Вот и она, – осторожно говорит Эшли.

Шарлин уже заметила нас. Ее взгляд сосредоточен исключительно на мне. Она идет по тротуару, казалось бы, специально медленно. Даже на приличном расстоянии я замечаю неловкость и страх ее глазах. Светлые волосы стали длиннее с того времени, когда мы виделись в последний раз. Я любил ее волосы. Она никогда не красила их, сохраняя естественный светлорусый цвет.

Меня окатывает волна прошлого. Шарлин одета в короткие джинсовые шорты и белую майку. Она уже совсем близко. Я смотрю на ее красивые руки, в которых она держит ключи от машины и телефон. Встав за спиной Эшли, она сглатывает и продолжает смотреть на меня.

– Привет, Джорел.

ГЛАВА 6

МОЛЛИ

В голове бьется одна мысль – страшная, кровавая и требующая немедленного действия. Я хожу по комнате из угла в угол, схватившись за голову, и периодически дергаю себя за волосы, чтобы убедиться, что это реальность.

Как такое возможно? Как Алрой такое допустил? Прямо у себя под носом. Это здорово сыграет на нем, скоро его перестанут бояться. Нужно что-то делать. Но что я могу? Боже...

Остановившись у качающегося журнального столика, я замираю, приложив пальцы к губам. Воспоминания как ведро холодной воды окатывают меня. Почему мы понимаем, как дороги нам были люди только после того, как теряем их? Я никогда особо не жаловала Кэт. Даже больше, она меня всегда жутко раздражала, ее было много, она была шумной, но она тоже была частью моей семьи.

Я помню, какой она к нам пришла, и что она вынесла, я так и не узнаю. Она называла меня «сукой», мы вечно пререкались, но, черт возьми, я любила крошку Кэт. Однажды на одной из тусовок, мы обнимались и клялись в вечной дружбе, но на утро я полила ее холодной водой и заставила убирать в квартире. Она проклинала меня, а я смеялась, готовя Алрою завтрак.

Что бы ни было, мы любили друг друга, мы были крепко связаны, и если бы ей что-то угрожало, я бы не задумываясь, бросилась под пулю.

А он допустил это. Ее смерть. Ее убили прямо у него под носом.

Ненависть, страх и боль – мои вечные спутники, мои демоны, которые не могут отпустить меня, которые вновь и вновь возвращаются. Порой у меня опускаются руки, и я начинаю сдаваться. Но стоит мне вспомнить, только подумать о том, *что* меня может удержать, я снова поднимаюсь.

– У меня сейчас голова взорвется, если ты не прекратишь. – Алиша вваливается в гостиную и плюхается с шумом в кресло. – У тебя припадок?

Я смотрю на ее темное морщинистое лицо, и желание ударить отдается дрожью в кулаке. Но мне удастся взять себя в руки. Схватив телефон, я бегу на улицу, чтобы позвонить.

Панихида по Кэт, естественно проходит в доме Ниэйши. Ее дом находится недалеко от школы им. Джорджа Вашингтона.

Стоя возле заборной сетки школы, я тушу сигарету и собираюсь с духом. Не знаю почему, но я уверена, что именно сегодня Алрой выстоит. Он не станет прогонять меня. Пусть я ошибаюсь, но я пойду туда все равно.

Возле небольшого, старого, но аккуратного дома Ниэйши стоят десятки машин и байков. Собрались не только члены «семьи», но и тем, кто хочет подлизаться к Алрою и найти его расположение. Со своего места напротив я вижу плачущих девушек, стоящих во дворе и передающих друг другу сигареты. Наверняка это подруги Кэт, с которыми она работала на улице до того, как пришла к нам. Они все так похожи. Все в черном и будто они специально выбрали самые красивые шмотки из своего гардероба, чтобы выглядеть соответствующе.

Вот только чему соответствовать? Кэт плевать, что на вас надето, мерзкие сучки.

Я бегло оглядываю себя и понимаю, что сама того не осознавая пришла вся в черном: черные джинсы, черная кофта и поверх нее футболка с ярко-красной розой.

Что ж, очень символично. В руках я сжимаю живую розу, чьи шипы вонзаются мне в ладонь.

Небо за считанные секунды затянули серые тучи, и вот-вот хлынет дождь. Небо тоже оплакивает Кэт, принимая ее к себе.

Не чувствуя ног, я перехожу улицу, и вот я уже у ворот дома, в котором провела много теплых и счастливых дней рядом с Низэйшей. Вот только тогда я этого не понимала. Тогда это были обычные серые будни. Сейчас я вижу в них что-то светлое.

Мне не сразу становится понятным изменения вокруг. Делая медленные шаги в сторону крыльца, на котором стоят люди, на чьи лица я даже не смотрю, улавливаю резкую тишину. Эта тишина настолько режет слух, что становится жутко. Секунда, и тишину заполняет шум хлынувшего дождя. Но никто не спешит зайти в дом. Только девушки, за которыми я наблюдала, стоя напротив, пробегают мимо меня и скрываются за сетчатой дверью. Остальные смотрят на меня, и хотя я не смотрю на них, чувствую все эти взгляды.

Сбросив с себя остатки сомнений, я смело ступаю на первую ступеньку крыльца и открываю дверь. Здесь все, как и прежде. Хотя, что могло измениться? Я была здесь не так давно, но ощущения вечности за все эти дни, все еще со мной. Словно прошло много лет. Чертовски много лет с того времени, как я потеряла все.

Маленький кухонный островок и несколько столов заставлены едой. Словно на ватных ногах, я прохожу коридорчик и оказываюсь в просторном помещении, которое служит Низэйше гостиной. Она казалась такой маленькой, но сейчас здесь действительно просторно. Нет никакой мебели, только несколько стульев по бокам от гроба. Мой взгляд прикован к этой ужасной деревянной вещи, в которой гниет столько людей.

Алрой стоит посреди комнаты, и вокруг него я вижу лишь силуэты людей. Все молчат. Все смотрят на меня. Все смотрят на Алроя и ждут его реакции. Он стоит чуть позади сидящей Низэйши, положив руку ей на плечо. Оторвав взгляд от гроба, я смотрю на нашу старушку. Она обескуражена моим присутствием, как и все, но в ее взгляде я замечаю боль не только от потери, но и от того, что она скучает по мне. Она любит меня.

Мне не хватает храбрости взглянуть на Алроя. Мой разум и тело затопила волна горя и сожаления.

Я все жду, когда хоть кто-нибудь что-то скажет, когда я перестану быть выставленной на обозрение, словно это я виновна в случившемся.

Но ничего не происходит. Он молчит.

Когда я все же делаю шаг к гробу, краем глаза замечаю какое-то движение со стороны, но резкий взмах руки Низэйши снова образует это каменное молчание.

Спасибо, Низэйша.

Я говорю ей это взглядом, которым одариваю эту женщину. Плевать на них всех, плевать. Подхожу к гробу и заглядываю внутрь.

Кэт.

Так юна и прекрасна. Такая ужасная жизнь и смерть. Нам всем это уготовано? Никогда не задавалась этим вопросом. И вообще, какой в нем смысл?

Моя ладонь ложится на ее хорошенькое и холодное личико.

– Прости за все, крошка, – шепчу я, сдерживая слезы. – Надеюсь, ты знаешь, что я всегда тебя любила.

Я кладу розу к ее ногам. Она изрядно промокла, пока я стояла на улице. Бросив последний взгляд на девочку, которую больше не увижу, я разворачиваюсь и смотрю на него.

Алрой тоже смотрит на меня. Он всегда кажется неприступным, словно глыба, но я-то знаю, что у него внутри. Знаю, как ему хочется сделать хоть что-нибудь прямо сейчас. И еще я знаю, что он ничего не сделает. В его темных глазах я вижу пожар, который способна увидеть только я. Мой страх и неуверенность уже улетучились. Я подхожу ближе к нему и буквально выталкиваю из себя слова:

– Ты допустил это. Так ты потеряешь всю «семью».

Люди вокруг начинают перешептываться, а кто-то даже выкрикивает ругательство. Да, я переступила черту, но я не могу сдержаться прямо сейчас.

Низэйша всхлипывает, не находя слов, а я продолжаю смотреть в глаза, в которых вижу свое отражение. Он всегда будет любить меня, и он примет от меня это. Ведь я права.

Алрой стискивает челюсть и едва заметным кивком головы указывает мне на дверь. Мое время истекло. Представление окончено, и я должна уйти, что я и делаю. Но перед тем, как выйти, нахожу взглядом Дайрона и киваю ему. Его глаза наполняются ужасом, и он сразу же бросает взгляд на Алроя.

Это моя маленькая месть.

Выходя под проливной дождь, я улыбаюсь, но уже через несколько секунд, начинаю рыдать.

АЛРОЙ

– Алрой, дорогой, ты слышишь меня? – Голос Низэйши звучит где-то далеко.

Все происходящее кажется нереальным. Она пришла и посмела обвинить меня. А я просто стоял и молчал.

Но что я мог сказать? Что мог сделать? Ударить ее? Унизить? Нет. Проще игнорировать. Но она это сказала, и она права, черт возьми.

– Алрой, посмотри на меня. – Низэйша дергает меня за рукав рубашки, и я сосредотачиваю на ней взгляд. Ее лицо обеспокоенное, она все время вытирает слезы, прикладывая носовой платок к глазам.

– Все в порядке, – говорю я, глядя ей в глаза. – Все будет хорошо. Я разберусь.

– Ты всегда так говоришь.

– Что ты от меня хочешь? – взрываюсь, повышая тон.

Низэйша вздыхает и снова садится на стул. На нас все продолжают смотреть, и панихида уже превращается в рой: все шумят и обсуждают выходку Молли.

– Ничего, – тихо отвечает она.

Я пытаюсь сохранить спокойствие. Пытаюсь выбросить из головы то, что она сказала, но это прочно засело в моей голове. Это правда, правда. Никто мне этого не скажет, но я думал об этом, думали и остальные. И только она озвучила.

Молли. Черт бы ее побрал! Она никак не оставит меня в покое!

Ко мне уже подходит Камилла с озабоченным выражением на лице, но я отталкиваю ее и прохожу мимо.

– Оставь меня.

На задний двор со мной выходят Спайк и Брайс.

– Брат, что за дерьмо сейчас было? – Спайк, как обычно слишком шумный и нервный, ходит из угла в угол, постоянно теребя карманы низко сидящих джинсов.

– Просто забудем это, ясно? – говорю я, наблюдая, как дождь заливает маленький ухоженный двор Низэйши.

– Нет, брат, – упорствует он. – Она вызов нам бросила.

– И что мы сделаем? – подает голос Брайс. Он стоит, облокотившись на веранду, глядя на меня из-под полуприкрытых век. – Это же Молли.

– Твою мать, – ругается Спайк. – Она когда-нибудь успокоится?

– Расслабься, – спокойно произносит Брайс.

– Да, мы не будем заострять на этом внимания, у нас и без этого много работы.

– Но она не может...

Я делаю шаг к Спайку и хватаю за руку.

– Мы больше не будем говорить об этом.

Несколько секунд он смотрит мне в глаза, затем медленно кивает. Знаю ему сложно успокоиться, да и вряд ли он это сделает.

– Что на счет Дайрона? – интересуется Брайс.

Уходя, Молли кивнула Дайрону. Что это было? Это нужно выяснить.

Я бросаю взгляд на Брайса.

– Позже. Что там, Ламмар уже на связи?

Спайк снимает бейсболку и достает телефон из кармана.

– Он на месте.

– Хорошо. Тогда покончим с этим.

Втроем мы снова входим в дом, где все постепенно утихает. Я не стану оправдываться перед всеми. И выходку Молли я никак комментировать не стану. Мне ни к чему трепаться, когда на кону так много жизней. По моей вине мы уже лишились одной, и я не в силах вернуть Кэт. Но только в моих силах предотвратить грядущее. Защитить свою семью.

На первый взгляд девушке лет двадцать не больше. Она всхлипывает, и по ее темной коже катятся крупные слезы. Она напугана до предела, и становится очевидным, что Кэп был абсолютно спокоен на ее счет. Что никто не узнает.

– Они даже похожи, – произносит Спайк, становясь напротив девушки и складывая руки на груди.

Я снова смотрю на девушку и замечаю сходство со своим врагом.

– Действительно.

– Что происходит? – почти шепотом спрашивает девушка, когда Спайк снимает с нее повязку. – П-прошу вас отпустите меня.

Она оглядывает комнату и ее руки начинают трястись все больше. Она в шоке. Сейчас мы находимся в той самой комнате, в которой я держал Линдси пару дней, чтобы проучить Клэя².

Спайк ничего не отвечая, просто выходит из комнаты, закрыв за собой дверь. Я остаюсь с девушкой один на один. Она снова начинает истерично рыдать, чем вызывает во мне раздражение. Но я стараюсь не обращать на это внимания. Не стоит забывать, что девушка жила спокойной и тихой жизнью в западной части Лос-Анджелеса, даже не подозревая, кем является ее родной брат.

– Успокойся, – говорю я. – Своим криком ты сделаешь себе только хуже.

– Н-но...

– Давно ты виделась с братом?

– Кэпом? – испуганно интересуется она.

– У тебя есть еще братья? – Я подхожу ближе к ней, и она дергается. Я все же развязываю ей веревки на руках, и она тут же начинает разминать затекшие запястья. По ее лицу продолжают катиться слезы. Она убирает прядь волос со лба и испуганно поднимает на меня глаза. Симпатичная мордашка.

– Н-нет, только Кэп. Но мы видимся очень редко, очень редко, – тараторит она. – Но он помогает мне, я... я... боже, с ним что-то случилось? Зачем вы меня похитили?

– Твой брат очень плохой парень, – объясняю я и тут же усмехаюсь своим словам. – Мы все плохие парни, детка. Кэп сделал непростительную вещь.

– Какую? – дрожащими губами спрашивает девушка.

– Он убил мою сестренку, – злобно выплевываю я.

Она начинает визжать, но тут же прикусывает палец.

² отсылка к роману «Прекрасные порочные ангелы».

– О чем вы?

– Мне нужно отплатить тем же, – продолжаю я.

Моя откровенность окончательно ее добивает. Я бы мог поговорить с ней и успокоить, я бы мог поступить по-другому, но... Кэт мертва. Жестоко убита, и я не могу просто так держать здесь эту девушку. Это ведь война, так? Я должен отомстить.

– Тебя зовут Вербника? – спрашиваю я, подходя к окну и проверяя решетку.

Вероника едва заметно кивает, но она безусловно в полуобморочном состоянии. Она уже не соображает абсолютно ничего.

В комнату врываются мои парни, а за ними прихрамывая, входит Руффус. Мы обмениваемся быстрыми взглядами, прежде чем Дайрон хватает девушку за руку. Та снова начинает визжать.

– Дайрон, чувак, заткни ее, – морщась, произносит Сэм и плюхается на кровать. – Мы едем к Тощему, туса уже в разгаре.

– Что будем делать с ней? – кивает в сторону девушки Брайс.

– Все что пожелаем. – Дайрон хватается Веронику за волосы.

– Она не причем, – качает головой Руффус. – Кэт была в «семье», она была замешана во всем этом, но эта девочка...

– Ты что, старый хер, мать твою, хочешь этим сказать? – Спайк вырастает перед Руффусом и злобно смотрит на него сверху вниз. – Что Кэт виновата в том, что оказалась с Мятужниками?

Должен признаться, что у старика отличная выдержка. Знай бы мои парни, кто этот «старый хер», они бы молчком глотали каждое его слово.

Руффус отпихивает Дайрона и подходит ко мне.

– Я делал кучу глупостей в молодости, поверь мне, парень. И мне некому было подсказать, что я не прав. Послушай меня.

– Выйдем. – Я выхожу из комнаты, и Руффус следом за мной. Мы стоим в коридоре, и я хватаю руками свою голову.

– Не позволяй себе лишнего, – рычу я.

Старик с пониманием кивает, и мы смотрим друг на друга несколько секунд прямо в глаза. Не могу спокойно смотреть на этого человека. Есть схожесть, есть что-то...

– Просто послушай совета, – прерывает он мои мысли. – А следовать ли ему, решать тебе.

Недолго думая, я киваю.

– Думаешь, я сдуру не убивал? – продолжает Руффус. – Не мстил сгоряча? Все это было со злости, я думал, что мщу, что делаю правильно. Но с годами понял, что это ничего не приносит. Ничего. Я понял, что самая жестокая месть, это предательство.

– Ты говоришь чепуху. – Я не совсем понимаю его последние слова.

– Дослушай. Если хочешь сделать врагу по-настоящему больно, сделай это с умом. Да, эта малышка его сестра, которую он скрывал и которую он любит. Убив ее, ты не сломаешь его. Он ответит тем же, затем ты... и так по кругу. Море крови, Алрой.

– Так что же ты предлагаешь? – не выдерживаю я. – Ты, – я тыкаю в него пальцем. – Учишь меня милосердию? Это же смешно!

Руффус терпеливо выжидает, когда я замолчу и продолжает:

– Сделай так, чтобы она поняла, что он враг ей тоже. Чтобы она предала его, чтобы ненавидела. Прими ее в «семью».

– Шутишь? Она родня этого ублюдка! Ты в своем уме?

Руффус снисходительно смотрит на меня. Черт возьми, ненавижу этот взгляд, но этот гангстер имеет на него право.

– Поверь мне, это его сломает. Ты ведь знаешь, как он ей дорожит и что она для него значит.

Это правда. Нам пришлось потратить кучу денег, поднять кучу связей, в общем, сделать невозможное, чтобы узнать о Веронике. Кэп тщательно охранял младшую сестру и был уверен, что она останется в стороне от дерьма, в котором купается сам. Что ж, это говорит о многом. Она дорога ему. Она его семья.

И до меня доходит смысл его слов. Убить ее просто. Но сделать ее часть своего мира – вот что ломает сукина сына.

ГЛАВА 7

ДЖОРЕЛ

Повсюду люди в масках... Бесчисленное количество людей заполняет бульвар Сансет Стрип. Цветные дымовые шапки тут и там заполняют пространство. Играет драйвовая музыка и сигналы машин поддерживает эту какофонию. С первого взгляда может показаться, что это хаос, восстание или мятеж. Но это не так. Это что-то большее, это то, что я никак не могу объяснить. Даже во сне я роюсь в своих мыслях, пытаюсь понять, что мне, черт возьми, нужно. Но не могу найти ответ. Я хожу среди людей и понимаю, что чего-то не хватает, мне нужно еще больше свободы, больше пространства, больше музыки, больше причин оставаться в этом городе и мечтать.

Тогда я не должен спать, а что-то делать.

Мои глаза распахиваются. Передо мной белый потолок моей спальни. В жилах будто кипит адреналин, и я почти подскакиваю с кровати и включаю свет. Повсюду валяется моя одежда, чехлы для гитар, наушники и прочее дерьмо. Среди этого хлама едва откапываю свой айпад и запускаю приложение. Моя исписанная маркерами и непонятно еще чем, электрическая гитара «восседает» на черном кожаном кресле напротив тахты. Когда мы с парнями решили снять этот дом, я не особо парился с выбором спальни. Просто вошел в первую попавшуюся дверь и скинул свои сумки. Мне достаточно тахты, кресла, стола и шкафа.

Холодная гитара ложится на мои колени, и я начинаю наигрывать. Через какое-то время дверь в мою спальню резко распахивается.

– Майки, долбаный укурьш, какого хрена ты не спишь?

Я ухмыляюсь и, сняв наушники, смотрю на стоящего в дверях Сэда. Его темные волосы растрепаны, глаза опухшие от сна. Он чешет свой плоский живот и жмурится от света.

– Кто спит в Калифорнии? – отвечаю я.

Сэд хмыкает.

– Ну, порой-то можно.

Это, пожалуй, один из самых редких ночей, когда мы все дома и спим поодиночке в своих постелях. Да, и такое бывает.

– Мне завтра на работу, – с зевотой бормочет Сэд. – В отличие от вас балбесов, я использую свой диплом.

Это действительно так. Сэд единственный из нас, кто самостоятельно, я имею в виду без вмешательства семьи, закончил колледж, получил диплом и теперь просиживает в каком-то офисе в Даунтауне. Он четко намерен построить карьеру. Алрой называл нас «богатенькими папочкиными мажорами», и я не отрицаю этого. Деньги никогда не доставались с трудом, ни для кого из нас. А все, что мы творили в колледже, пока не вляпались в настоящее дерьмо, было игрой. Даже для Сэда, брат которого сидит за хранение наркотиков.

– Да, Сэди ты умничка. – Я подмигиваю ему. – Слушай, когда выходит твой брат?

– Через пару месяцев, – серьезно отвечает Сэд, пристально глядя на меня. – А что?

Тогда все началось с него. Сэд как и мы из обеспеченной семьи, но узнав, что их старший сын загремел в тюрьму, а младший был в курсе его дел, их папаша вышвырнул обоих из дома. Мы думали, что помогаем Сэду и его брату, которому наш друг не смел перечить. Но оказалось, что мы едва не срыли себе могилы. Мы должны были помочь другу иным способом. Но чувство свободы и чего-то запретного поглотило каждого из нас.

– Просто думаю, как ты с ним теперь будешь вести дела?

Сэд задумчиво разглядывает висящие постеры на стенах моей спальни.

– Не думаю, что я буду вести с ним какие-то дела.

– Seriously?

Он смотрит на меня и кивает.

– Я сделал для него достаточно. – И прежде чем выйти, добавляет: – Мы. Мы сделали для него уже достаточно.

Тайлер изменился с того раза, когда мы виделись в последний раз. Теперь его короткие волосы выкрашены в белый цвет и стоят торчком. На его худых, но жилистых руках появились новые цветные татуировки. Вообще, он выглядит так, как будто не залег на дно, после пожара «Икс», а так, будто провел охренительное лето на островах.

Возможно, так оно и было.

Мы одни из немногих, кто знал, что наш легендарный клуб принадлежит Тайлеру. Он всегда оставался незаметным, стоя за барной стойкой в своей золотой маске, и ведя дела через десятки рук.

– Это твоё новое дело? – присвистывает Арчи, когда мы входим в гараж.

За день до этого Арчи связался с Тайлером и тот назвал нам этот адрес, по которому находится в данное время. Это оказалось в претензионном и тихом районе Западного ЛА. Среди многочисленных забегаловок и ресторанов токийской кухни, Тайлер купил/снял домик в районе Сотел с огромным гаражом, в котором мы сейчас с Арчи прохаживаемся, расслабляясь от сентябрьской духоты.

Тайлер посмеивается и, сняв солнцезащитные очки, запрыгивает на капот сверкающего «Форд Мустанга» красного цвета с черным капотом. Рядом стоит не менее крутой «Понтиак», в который хочется запрыгнуть и умчаться в город, открыв все окна.

– Это тачки моего друга, – объясняет Тайлер. – Я помог ему их перегнать из Сан-Диего.

– Seriously? – интересуюсь я, разглядывая бледно-синий «Понтиак». – Все по закону?

Тайлер смотрит на меня с опаской. Но он бы ни за что не дал нам этот адрес, зная, что мы можем его как-то заложить. Это бред. Мне нет дела до того, чем занимается этот парень в свободное время. У него есть то, что мне нужно: идеи, и умение и хватка все это воплотить.

– Брось, Майки, – отвечает Тай. – Ты же не за этим здесь.

Я соглашаюсь.

– Верно, – вставляет Арчи и опирается спиной о дверцу «Форда». – Ты вернулся. Мы тоже здесь. Что дальше?

Тайлер медленно разглядывает нас, раздумывая над ответом. Его темные глаза поблескивают.

– Мне нужно место.

– Какое именно? – спрашиваю я.

– На Сансет Стрип, естественно.

– Ну конечно, – тянет Арчи, широко улыбаясь.

– Естественно, – подтверждает Тай. – Вы ребята, здорово отделали «Икс», – он смотрит на меня с улыбкой.

Я продолжаю осмотр машины и носками своих чаксов постукиваю по колесам.

– Ты прекрасно знаешь, что это не мы.

Тай закатывает глаза и продолжает играть роль.

– Вы, ребята вечно устраивали мне проблемы. И ваши терки с «К» самые знаменитые, пусть вы и были для них лишь кучкой сопляков.

– Черт, чувак, – встречает Арчи. – Подстава с дымовыми шашками. «17:29» ни за что бы не спалили «Икс».

Тайлер громко смеется и хлопает Арчи по плечу.

– Знаю, парень, знаю. Но вам известно, кто вас подставил.

Конечно, известно, и возможно, Тай сам догадывается. Но он ничего не говорит об Алрое, ровно, как и мы. Ребята из «К» не те, с кем можно вот так посмеяться и задавать подобные вопросы. Я вообще до сих пор ума не приложу, какого хрена они забыли на Сансет Стрип. Хотя не сложно догадаться, что это проделки Молли, но я вообще стараюсь о ней не думать.

– Ну так что, мы так и будем трепаться о том, что уже произошло или будем мутить что-то лучше? – Я встаю напротив Тайлера.

Он спрыгивает с капота, затем через открытое окно «форда» врубает в нем музыку.

– Надеюсь, вы повзрослели, – перекрикивает музыку Тай. – Как я уже сказал: мне нужно место.

– Тебе нужны деньги, – уточняет Арчи.

– Деньги у меня есть, – качает головой Тайлер.

– Но на месте «Икс» уже что-то строят, – говорю я.

Тай задумывается на несколько секунд, затем кивает.

– Знаю. Все равно нужно что-то новое.

– Твою мать, чувак. – Арчи достает сигареты из кармана джинсов. – Что ты от нас хочешь?

– Придумайте что-нибудь. У ваших папочек есть связи.

Нервный смешок вырывается из моего горла, когда я резко вспоминаю недавнюю встречу с Шарлин. На самом деле я едва с ней говорил, когда мы попытались «пообщаться». У нас есть прошлое, и я из тех людей, которые ни в коем случае не будут его ворошить, тем более, если это прошлое оставило только дерьмовые воспоминания.

Но из ее болтовни я услышал некоторые подробности. Ее мать хочет, чтобы она вышла замуж за одного парня, с которым она (по ее словам) немного встречалась. У этого парня естественно свой бизнес. Не знаю, зачем она мне это говорила, но говорила, явно желая видеть мою реакцию. У меня ее не было, но я кое-что запомнил.

– Возможно, удача на моей стороне в этот раз, – бормочу я, и парни это слышат.

Они оба поворачивают головы в мою сторону.

– О чем ты, братишка? – Арчи тушит сигарету и смотрит на мое улыбающееся лицо.

– Еще не могу точно сказать, но я займусь этим.

– Да о чем ты? – кипятится Арчи.

Но в моей голове уже прокручивается недавний разговор с бывшей.

– Ты же знаешь мою маму, Джо. Она уверена, что я пожалею, если упишу. Она говорит, что он любит меня и все такое, но выйти замуж... – Она откидывается на кресло. Ее задумчивое выражение лица приобретает мягкость. Она не изменилась, что сильно мучает меня. Я ненавижу помнить, ненавижу воспоминания. – Она просто хочет мне добра.

– Зачем ты мне это говоришь? Ты словно оправдываешься, – интересуюсь я.

Шарлин теряет и прикусывает нижнюю губу.

– Просто рассказываю тебе обо всем. Многого произошло и изменилось. Мне хочется поговорить с тобой, не будь таким безразличным. Нам ни к чему оставаться врагами.

В ее словах есть смысл, но я все равно проклинаю Эшли, которая умчалась по своим каким-то «неотложным делам» через десять минут, как появилась Шарлин.

– Хорошо, – вздыхаю я и скреживаю руки на груди. – Расскажи мне о нем.

Шарлин тоже вздыхает и начинает ногтем выводить узоры на бумажном стакане выпитого кофе. Она всегда так делала.

– Он много работает. Я даже не знаю, чем конкретно он занят. Знаю, что недавно открыл рок-клуб на Сансет Стрип и...

Остальное помнить не обязательно. Вот оно. Эта информация приплыла ко мне не просто так, особенно сейчас, когда мы хотим вернуться на свое место.

ГЛАВА 8

АЛРОЙ

Когда-нибудь это должно было произойти. Мятежники всегда шли за мной по пятам. Кэп упорно искал причины убрать меня с дороги, в общем, как и я его. Таковы законы улиц, и это неизбежно. Это моя жизнь. И как бы паршиво это ни звучало, смерть Кэт лишь начало этого безумия. К не Калеки и не Кровавые, но я и никогда не добивался этого. Я просто хочу защитить семью.

С каждым разом входя в этот дом, я ощущаю еще больше тяжести. Никогда не думал, что предметы мебели или какие-то вещи могут угнетать, напоминать. Поэтому я все реже и реже остаюсь здесь.

– Алрой, она все время рыдает. Я устала от этого. – Камилла с тяжелым вздохом опускается рядом со мной на диван и подает мне банку холодного пива.

Я отталкиваю руку с пивом и откидываю голову на спинку дивана.

– А что бы на ее месте делала ты?

Не вижу лица Камиллы, но судя по ее тягучему голосу, она задумалась.

– Никогда себе этого не представляла.

Я поднимаю голову и внимательно изучаю лицо девушки, с которой сплю. Ее голова немного повернута набок и один короткий непослушный локон выбился из высокой прически. Ей всего двадцать один, она красива, и еще ее отчим периодически избивал ее, пока она не сбежала. У каждого из нас своя история.

– Да, но... – я ненадолго замолкаю, – такое возможно. Особенно сейчас.

Камилла снова вздыхает и проводит ладонью по моему лицу. Я прикрываю глаза.

– Ты имеешь в виду Кэпа? И то, что я с тобой сейчас?

Да, возможно это я и имел в виду. Но Кэп слишком умен, он не будет марать руки. Он знает, куда бить. И это не Камилла.

Но этого я ей не говорю.

– Просто будь осторожна.

Она едва кивает и придвигается ко мне.

– С тобой мне не страшно.

– Я не чертов герой, – бормочу я.

Со второго этажа раздается какой-то шум, затем женский писк. Я резко поднимаюсь на ноги и иду к лестнице. Камилла бежит за мной.

Дверь в комнате Вероники приоткрыта и именно оттуда разносится шум. Я рывком распахиваю дверь и врываюсь внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.